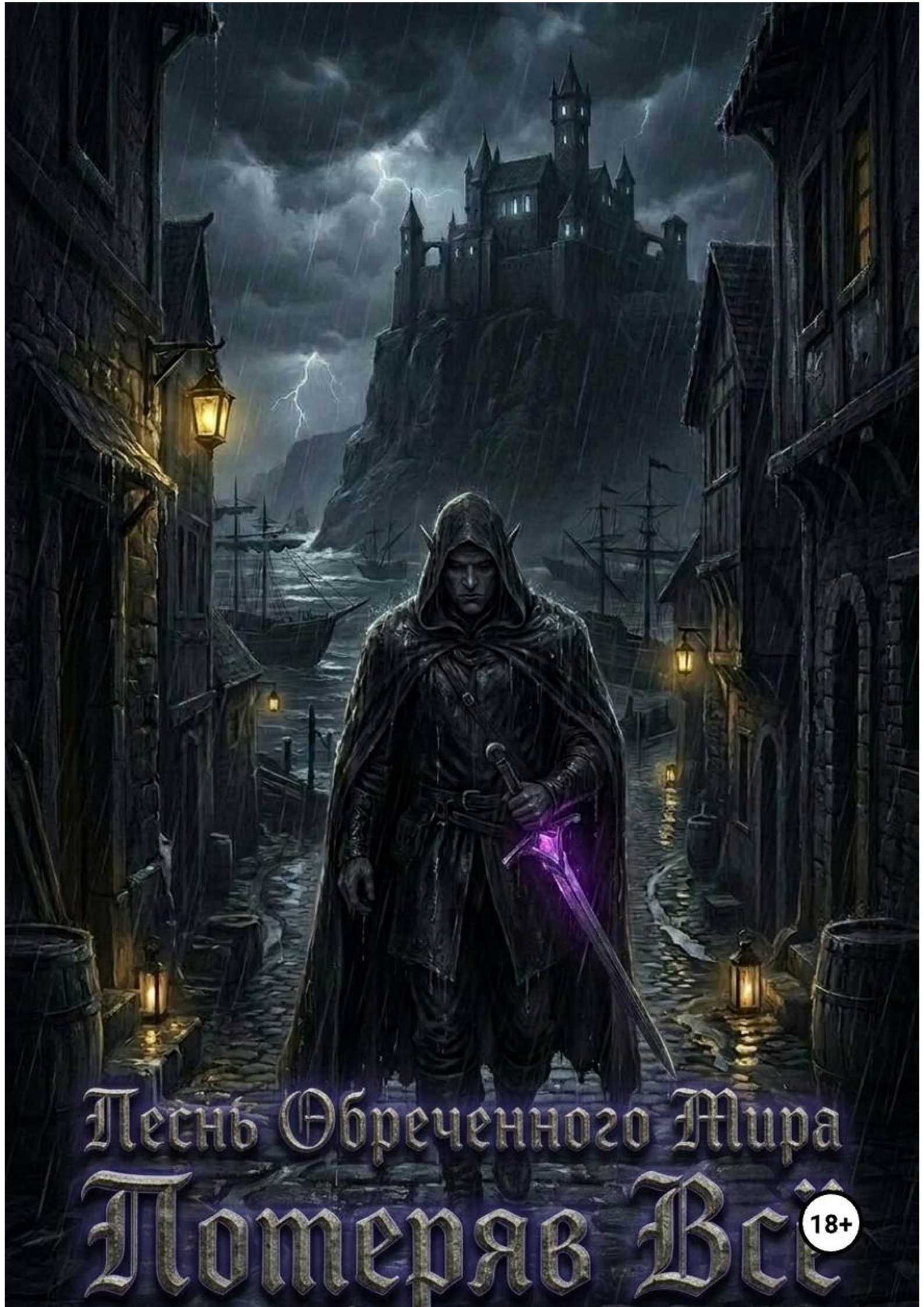

Песнь Обреченного Мира
Потеряв Всі

18+

Григорий Кудряшов

**Песнь Обреченного
Мира: Потеряв Всё**

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Песнь Обреченного Мира: Потеряв Всё / Г. Д. Кудряшов —
«Автор», 2026

После братоубийственной войны, развязанной безумным принцем Патри, эльфийское королевство залечивает раны. Диром — тёмный эльф, бывший глава двух великих орденов, а ныне наёмник, выполняющий грязную работу для тана портового Ихта. Он привык убивать и не задавать вопросов. Очередной заказ приводит его к письмам таинственного «Е», странным монетам и следам запретной Друидской общины — а на другом краю мира беглый алхимик Гридмер собирает сопротивление против Империи, не подозревая, что их пути ведут к одной разгадке. Чтобы остановить новую войну и сохранить то немногое, что осталось от прежнего мира, Дирому придётся решить: остаться безжалостным орудием чужой воли или впервые выбрать сторону самому — и заплатить за этот выбор всем, что ему дорого.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Песнь Обреченного Мира: Потеряв Всё

Песнь Обреченного Мира: Потеряв Всё

А в государстве эльфийском...

Два года прошло с тех пор, как стих последний звон мечей на полях Элфтенхолда.

Война, которую эльфы — и лесные, и тёмные — вели друг против друга, не имела имени. Её не называли великой, ибо великой она не была. Её не называли священной, ибо священного в ней не было ничего. Это была грязная, кровавая, братоубийственная резня, развязанная одним человеком, чьё имя теперь произносили шёпотом или не произносили вовсе. Патри Экри. Младший сын короля Патринара. Тот, кто украл Свиток Лунного Безмолвия. Тот, кто развязал войну между двумя народами, которые когда-то были одним целым. Тот, кто едва не уничтожил всё, что строили веками.

Теперь его не было. Он пал от руки Дирома, бывшего главы Тёмного Ордена, в той самой крепости, где когда-то ковался заговор. Но смерть вдохновителя не остановила войну сразу. Она полыхала ещё долгие месяцы, унося жизни, сжигая деревни, разрушая города. Лесные эльфы винили тёмных в предательстве. Тёмные эльфы винили лесных в высокомерии. Каждая сторона считала себя правой, и каждая сторона была по-своему права. И каждая сторона была по-своему виновата.

Но всё когда-нибудь заканчивается.

Даже война.

Воздух над Элфтенхолдом был чистым. Не тем чистым, что бывает после дождя, когда каждая пылинка прибита к земле и дышится легко, а другим — тем, который наступает только после того, как стихает грохот битв и замолкают крики умирающих. Воздух, пропитанный запахом свежей листвы, цветущих трав и... памяти. Памяти о тех, кто не вернулся домой.

Осень вступала в свои права. Леса, покрывавшие большую часть королевства, переливались золотом и багрянцем. Листья, ещё вчера зелёные, сегодня горели огнём, и ветер, гулявший по кронам, срывал их и устилал землю мягким, шуршащим ковром. Где-то вдалеке кричали птицы, собираясь в стаи перед долгим перелётом на юг. Где-то внизу, в долинах, дымились трубы деревушек, отстраиваемых заново после пожаров. Где-то на холмах пастухи выгоняли скот на последние перед зимой пастбища. Жизнь возвращалась.

Но шрамы оставались.

На месте многих поселений всё ещё зияли пустоты. Там, где когда-то стояли дома, теперь росли сорняки. Там, где когда-то смеялись дети, теперь молчали камни. Там, где когда-то горели очаги, теперь гулял ветер, разнося пепел. Война не щадила никого. Она не разбирала, кто прав, кто виноват, кто лесной, кто тёмный. Она просто брала своё. И расплачивались за неё всегда одни и те же — простые люди, которые хотели лишь одного: жить.

Жить. Работать. Растить детей. Любить.

Ничего этого у них не отняли. Война отняла у них всё.

Король Патринар Экри сидел на троне в Хотхиле — столице Элфтенхолда, городе-саде, где дома вырастали из живых деревьев, а улицы были вымощены белым камнем. Он сидел, и его глаза — уставшие, глубоко посаженные, с сетью тонких морщин в уголках — смотрели в пустоту. В пустоту, которую он сам, возможно, помог создать.

Девять лет назад грянула война с людьми. Не оборонительная — наступательная. Эльфы, лесные и тёмные, объединились под знамёнами Патрира и Вейвера IV, чтобы наказать «низшую расу» за само существование. Они считали людей грязью, ошибкой природы, недостойной дышать одним воздухом с эльфами. Гордыня и высокомерие, копившиеся веками, наконец прорвались наружу.

И не было среди эльфов более яростных ненавистников людей, чем эти двое. Вейвер IV, владыка тёмных эльфов, видел в людях угрозу всему, что он строил. А Патрир, старший сын короля, — тот, кому предстояло унаследовать трон, — впитал эту ненависть с молоком матери. Он не просто одобрял войну. Он жаждал её. Он мечтал о ней. И когда флот отчалил от берегов Элфтенхолда, а армия двинулась на юг, Патрир шёл в первых рядах. Не за спинами солдат — перед ними. С мечом в одной руке и знаменем в другой.

Патринар, король-миротворец, король-дипломат, был против этой войны. Он знал цену крови. Он понимал, что война не принесёт ничего, кроме горя и новых могил. Но его голос не услышали — слишком сильны оказались те, кто жаждал доказать превосходство эльфийской расы. Сын пошёл против отца, и Патринар, не в силах остановить безумие, остался в столице. Его место было здесь, среди советников и карт, а не на поле боя, которое он не одобрял.

Патрир ушёл на войну. И вернулся оттуда другим — с чёрной кожаной повязкой на правом глазу и с холодом в душе, который не растопить никаким теплом. Глаз он потерял в битве, сражаясь в первых рядах, когда человеческий воин с двуручным мечом пробил ему шлем. Но и после этого он не покинул поле боя. Он продолжал сражаться, пока не упал. Его вытащили из-под града стрел уже почти мёртвого, и лечили неделями.

Война, начатая по глупости и гордыне, продлилась несколько лет, унесла тысячи жизней и закончилась ничем — ни одна из сторон не смогла добиться решающего перевеса. Был подписан мирный договор, который до сих пор вызывал споры в королевском совете. Но шрамы остались. И не только на лицах.

С тех пор Патрир стал другим. Жёстче. Суровее. Менее склонным к компромиссам. Он возглавил армию, провёл несколько успешных кампаний, заслужил уважение солдат и ненависть врагов. Но глаз свой не вернул. И война с людьми закончилась ничьей — ни одна из сторон не смогла добиться решающего перевеса, и был подписан мирный договор, который до сих пор вызывал споры в совете всех земель.

Патринар был стар. Не просто стар — древен. Он помнил те времена, когда лесные и тёмные эльфы ещё не разделились. Когда они называли друг друга «куна-вел'ан» — дети одной сумеречной зари. Когда они вместе сражались против орд людей, пришедших на их землю с мечом и огнём. Он помнил, как ковался союз, как строились первые общие города, как расцветала культура, общая для всех эльфов острова Родера.

И он помнил, как всё это рухнуло.

В один день. В один миг. По вине его собственного сына.

Патри. Младший. Любимец. Тот, в ком он видел надежду и будущее. Тот, кто предал его, предал свой народ, предал всё, во что Патринар верил. Он украл Свиток Лунного Безмолвия — величайшую реликвию тёмных эльфов, дарованную древними богами. Он прочёл его вслух на центральной площади Эл'Амарила, перед лицом своего потрясённого отца, перед придворными, перед простым народом. Он не искал бессмертия для своего народа — он искал власти. Он хотел доказать своё превосходство. Он хотел уничтожить тёмных эльфов, которых презирал.

И он едва не добился своего.

Древняя магия, никогда не предназначенная для эльфийской сущности, исказилась. Вместо тихой вечности из свитка вырвался хаос. Магический вихрь, слепой и разрушительный, пронёсся по площади, а затем и дальше. Он не дарил жизнь — он ломал её ткань, сея мгновенное безумие среди тех, кто слышал слова принца и вожделем обещанного дара. Война вспыхнула не на границе. Она вспыхнула в сердце столицы.

Патринар пытался остановить сына. Он бросился к нему, когда увидел, как свиток в руках Патри начинает светиться чёрным, неестественным светом. Он успел сделать всего несколько шагов, прежде чем магическая волна отбросила его назад, сломав ему руку и выбив глаз. Он лежал на камнях, истекая кровью, и смотрел, как его младший сын, охваченный экстазом

мнимой победы, становится знаменем для тех, в ком его поступок разбудил самые тёмные инстинкты.

Война началась.

Она длилась долгие годы. Годы крови, слёз и бесконечных потерь. Патринар, несмотря на возраст и раны, возглавил сопротивление. Он не мог допустить, чтобы его сын уничтожил всё, что они строили. Он собрал верных ему лесных эльфов, обратился за помощью к тёмным, которые, несмотря на обиду, понимали: если Патри победит, они исчезнут навсегда. Вместе они сражались. Вместе они теряли друзей, братьев, детей. Вместе они ждали чуда.

Чудо пришло в образе тёмного эльфа по имени Диром.

Диром был главой Тёмного Ордена — элитной стражи, хранителя правопорядка, последнего аргумента в спорах между кланами. Он был магом Фиолетовой стихии — редчайшего дара, позволявшего черпать силу не извне, а из бездны собственной души. Он был воином, стратегом, палачом. И он был тем, кто поставил точку в этой войне.

Он выследил Патри. Проник в его убежище. Убил его. Не ритуалом, не заклинанием, не хитростью — честным боем, клинок против клинка. Фиолетовая молния, сорвавшаяся с его руки, пробила сердце безумного принца, и тот рухнул навзничь, глядя в потолок пещеры, которая стала его могилой.

Патри не кричал. Он даже не пытался защищаться. Когда клинок вошёл в его грудь, он улыбнулся — той самой безумной улыбкой, которая заставляла его сторонников идти за ним в огонь. И прошептал: «Всё равно. Я уже посеял семена. Рано или поздно они взойдут».

Семена взошли. Война после смерти Патри не прекратилась — она лишь изменила форму. Из открытого противостояния она перешла в партизанскую, теневую, ещё более жестокую и беспощадную. Головорезы, оставшиеся без вождя, не сдались. Они ушли в леса, в горы, в подземелья. Они продолжали убивать, жечь, насиловать. Они мстили за своего кумира, за свою веру, за свою проигранную войну.

И они продолжают это до сих пор.

Тронный зал Хотхила был пуст. Патринар не любил, когда вокруг суетились придворные. Он предпочитал одиночество — оно помогало думать. А думать ему было о чём.

Старший сын, Патрир, на которого он когда-то возлагал надежды, недавно женился. Всего несколько месяцев назад он взял в жёны Нириэль — тёмную эльфийку из Кармнила, дочь богатого торговца грибами и шёлком. Союз, который ещё несколько лет назад казался невыносимым, теперь был заключён, и Патринар не мог не признать: это был мудрый шаг. Нириэль была умна, красива и, что важнее, искренне любила его сына. Она не искала власти, не плела интриг, не пыталась подмять под себя двор. Она просто была рядом. Она поддерживала. Она помогала.

Патрир изменился после женитьбы. Он стал мягче. Спокойнее. Реже срывался на подчинённых, реже впадал в ярость, реже уходил в запой. Нириэль дала ему то, чего ему так не хватало — покой. И Патринар был благодарен ей за это.

Но тревога не отпускала стареющего короля.

Гражданская война стихла, но её причины не были устранены. Патри мёртв, но его идеи живы. Люди, разделявшие его ненависть к тёмным эльфам, всё ещё бродили по лесам, всё ещё собирались в тайные сходки, всё ещё точили ножи. Они ждали своего часа. Ждали нового лидера. Ждали, когда корона ослабнет, и тогда они нанесут удар.

Их было не много, но было достаточно. Достаточно, чтобы разжечь новый пожар. Достаточно, чтобы уничтожить всё, что с таким трудом восстанавливалось.

Патринар знал об этом. Он чувствовал это нутром, старым, уставшим, но всё ещё цепким нутром правителя, прошедшего не одну войну. Он пытался бороться. Укреплял границы. Усиливал патрули. Ужесточал наказания для тех, кто сеял рознь. Но этого было мало. Всегда было мало.

Головорезы Патри были как сорняки — вырвешь один, на его месте вырастают два. Они не боялись смерти. Они не боялись тюрьмы. Они боялись только одного — забвения. И пока о них говорили, пока их боялись, пока их ненавидели, они были живы.

«Семена взошли», — вспомнил Патринар слова умирающего сына, переданные Диром. — «Рано или поздно они взойдут».

Они взошли. И теперь, два года спустя после формального окончания войны, королевство было похоже на больного, который только начал выздоравливать, но в любой момент мог сорваться обратно в пропасть.

А вот орденов — и Лесного, и Тёмного — больше не существовало.

Лесной Орден пал первым. Его уничтожил Владыка Вальк'ар — бывший ученик мастера Некера, поддавшийся тьме и ставший орудием Абсолютной Стихии. Он вошёл в цитадель, убил всех, кто пытался ему противостоять, и забрал реликвию — Слиток, который, как позже выяснилось, был частью Святой Брони, той самой, что собирали искатели приключений где-то на севере. От некогда великого ордена, объединявшего магов зелёной стихии, не осталось ничего. Только руины, пепел и память.

Тёмный Орден пал позже. Его глава, Диром, сам распустил его, когда понял, что время старых структур прошло. Он не хотел, чтобы его последователи погибали в бессмысленной войне с короной. Он собрал их, объяснил ситуацию, приказал уйти в тень — и остался один. Один в пустой крепости, где когда-то кипела жизнь. Он запер ворота, поджёг здание и ушёл, бросив ключ в ближайшую расщелину.

Так закончилась эпоха двух великих орденов, веками определявших жизнь Элфтенхолда.

Так началась эпоха, в которой никому не было дела до бывшего величия.

Народ учился жить заново.

Это было трудно. Очень трудно. Люди, привыкшие к тому, что за них всё решают маги из Лесного Ордена или стражи из Тёмного, вдруг остались одни. Никто не защищал их от разбойников. Никто не исцелял их магией. Никто не следил за порядком. Всё приходилось делать самим.

В одних местах это получилось. В других — нет.

Бывшие солдаты, оставшиеся без работы, сбивались в банды и грабили тех, кто слабее. Бывшие маги, лишённые поддержки орденов, уходили в глухие леса, чтобы жить отшельниками, или продавали свои услуги тем, кто мог заплатить. Бывшие чиновники, привыкшие к бюрократической рутине, не знали, как управлять городами без привычных структур, и часто ошибались.

Но жизнь продолжалась.

Крестьяне возделывали поля. Ремесленники открывали мастерские. Торговцы торговали. Дети рождались, выросли, умирали. Всё шло своим чередом, как шло всегда. Только теперь никто не знал, что будет завтра.

И это, наверное, было самым страшным.

Где-то на побережье Элфтенхолда, в небольшом портовом городе Ихт, стоял замок. Он был высечен в скале, нависавшей над гаванью, и служил резиденцией тана — правителя города. Здания здесь были приземистыми, сложенными из тёмного камня, с узкими окнами и покатыми крышами. Улицы — извилистыми, мощёными булыжником. Пахло морем, рыбой и свободой — той особой свободой, которая бывает только в портовых городах, куда приходят корабли со всего мира.

Здесь, в этом замке, жил и служил местному тану, эльф, которому предстояло сыграть ключевую роль в грядущих событиях.

Его звали Диром.

И его история только начиналась.

Высоко в горах, там, где снег не таял даже летом, стояла старая крепость. Когда-то она принадлежала Тёмному Ордену, но теперь была пуста и заброшена. Ветер завывал в её разбитых окнах, снег заносил двор, время стирало со стен барельефы, напоминавшие о былом величии.

Никто не приходил сюда. Никто не жил здесь. Только изредка забредали путники, сбившиеся с дороги, да звери, искавшие укрытие от непогоды.

Но сегодня здесь был он.

Высокая фигура в чёрном плаще стояла на башне, глядя на заснеженные вершины. Ветер трепал её волосы — седые, хотя их обладатель ещё не был стар. На поясе висел меч — простой, но с рукоятью, украшенной фиолетовым кристаллом в форме ромба. Тот самый меч, которым был убит Патри Экри. Тот самый, который когда-то принадлежал Тёмному Ордену.

Диром вернулся.

Он не знал зачем. Может быть, проститься с прошлым. Может быть, найти ответы на вопросы, которые мучили его последние два года. А может быть, просто почувствовать себя живым.

Он стоял на башне, и ветер выл вокруг него, и снег кружился в воздухе, и где-то внизу, в долине, мерцали огни деревень. Жизнь продолжалась. Жизнь, которую он помог защитить. Жизнь, которую он помог спасти.

«Семена взошли», — вспомнил он слова Патри. — «Рано или поздно они взойдут».

Они взошли. И теперь Диром должен был сделать всё, чтобы они не проросли.

Война закончилась. Но мир ещё не наступил.

И его история только начиналась.

Глава 1: Ночной дождь

Ихт спал.

Город, который днём шумел тысячами голосов — криками грузчиков в порту, перебранками торговцев на рынке, стуком молотов в кузницах и звоном колоколов на башне ратуши, — ночью превращался в лабиринт теней и мокрого камня. Огни в окнах гасли один за другим, уступая место темноте, которую разгоняли лишь редкие масляные фонари на перекрёстках. Их жёлтое, дрожащее пламя боролось с тьмой и проигрывало. Дождь, хлеставший уже третий час подряд, делал мостовую скользкой, как лёд, и превращал каждый фонарь в расплывчатое, мерцающее пятно.

Диром шёл по городу, и вода струилась по его плащу, как по скале, с которой недавно сошёл ледник. Капюшон, натянутый до самых бровей, не спасал — дождь находил щели, затекал за воротник, охлаждал шею, стекал по спине. Плащ, добротная вещь из плотной шерсти, намок насквозь и теперь тяжело облегал плечи, прибавляя к усталости ещё и лишний груз. Но Диром не обращал на это внимания. Он привык к непогоде. Он привык к холоду. Он привык к тому, что стихия не щадит никого, и единственное, что можно ей противопоставить, — это идти вперёд.

Шаги его были неторопливыми, размеренными. Не потому, что он боялся поскользнуться на мокрых булыжниках — ноги сами находили опору там, где другой непременно оступился бы. Просто он не любил спешить. Спешка рождает ошибки. Ошибки рождают смерть. А Диром, при всей своей внешней безмятежности, слишком хорошо знал цену и тем, и другим.

Улицы Ихта в эту пору были пусты. Прохожие попрытались по домам, и даже самые отчаянные пьяницы, обычно шатающиеся до утра по тавернам, предпочли остаться под крышей. Лишь изредка из переулка доносился чей-то приглушённый кашель или лай собаки, и эти звуки, размытые шумом дождя, казались призрачными, ненастоящими, будто город вымер и лишь ветер гулял по его жилам.

Диром шёл, и его сапоги глухо стучали по камню. Вода, сбегавшая с крыш по водосточным трубам, бурлила в канавах, и он перешагивал через них, не глядя, — старый воинский

рефлекс, позволявший сохранять ритм движения, не отвлекаясь на мелочи. Редкие фонари отбрасывали его тень то вперёд, то назад, то в стороны, и она, искажённая дождём и светом, скользила по стенам домов, как призрак, сопровождающий живого.

Город был тёмным. Не той темнотой, что бывает в безлунную ночь в чистом поле, когда не видно собственной руки, а особой, эльфийской темнотой — глубокой, бархатистой, почти осязаемой. Тёмные эльфы, основавшие Ихт много веков назад, строили его для себя. Их глаза видели в сумерках лучше, чем днём, и поэтому уличного освещения здесь было ровно столько, чтобы случайный прохожий не свалился в канаву. Для остальных же — для чужаков, для гостей, для тех, кто не родился под этим вечно хмурым небом, — ночной Ихт был лабиринтом, в котором легко заблудиться.

Диром не был чужаком. Он родился и вырос в Тёмных землях, хотя последние годы провёл вдали от дома. Его глаза, привыкшие к полумраку подземелий и залов Тёмного Ордена, легко различали очертания зданий, изгибы улиц, ступени лестниц. Он видел трещины в камне, которые днём заметил бы разве что самый внимательный наблюдатель. Он слышал скрип ставней на втором этаже таверны, которую только что миновал. Он чувствовал запах дыма из трубы пекарни, где уже начинали месить тесто для утреннего хлеба.

Город жил. Даже в этот поздний час, даже под этим ливнем, он жил своей, особой, подспудной жизнью. И Диром был частью этой жизни — не самой заметной, но необходимой, как шестерёнка в сложном механизме.

Он шёл уже около получаса, когда перед ним, наконец, показался замок.

Замок тана Ихта возвышался на скале, нависавшей над гаванью. В дневном свете он казался мрачным, но величественным — чёрные базальтовые стены, узкие бойницы вместо окон, массивные ворота, украшенные гербом города. Ночью, в дождь, он выглядел иначе. Он был похож на спящего зверя — огромного, древнего, опасного. Влажные стены блестели, как шкура, огни в редких окнах напоминали глаза, а тени, плясавшие на зубцах башен, — сбившееся дыхание.

У ворот его встретила стража. Двое тёмных эльфов в лёгких, но прочных доспехах, с длинными копьями в руках. Их лица, скрытые глубокими капюшонами, были непроницаемы, но Диром заметил, как они напряглись, когда он приблизился. Не потому, что боялись — просто узнали.

— Мастер Диром, — один из них коротко склонил голову. — Тан ждёт вас.

Диром кивнул в ответ и шагнул под арку ворот.

Внутри было темнее, чем снаружи. Коридоры замка, вырубленные в толще скалы, не знали дневного света. Факелы, горевшие в бронзовых бра через каждые несколько шагов, давали больше дыма, чем света, и воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом старого камня, сырости и... времени. Да, именно времени. Оно, казалось, застыло в этих стенах, осело на них слоем невидимой пыли, и каждый, кто входил сюда, чувствовал себя чуть старше, чуть уставшее, чем был на самом деле.

Диром поднимался по лестнице. Ступени, широкие и пологие на нижних этажах, становились всё круче и уже по мере приближения к кабинету тана. Это было сделано намеренно — чтобы тот, кто поднимается с недобрыми намерениями, устал раньше, чем достигнет цели. Хитрость, достойная тёмных эльфов. Диром усмехнулся про себя: он бывал здесь так часто, что ноги сами знали, куда ступать.

Лестница вывела его в длинный коридор, в конце которого виднелась массивная дверь из морёного дуба, окованная железом. За ней был кабинет тана. Диром остановился на мгновение, перевёл дыхание — не потому, что запыхался, а чтобы собраться с мыслями. Потом толкнул дверь и вошёл.

Кабинет был просторным, но не роскошным. Тёмные эльфы не любили излишеств — по крайней мере, те из них, кто действительно обладал властью. Стены, сложенные из того

же чёрного базальта, что и весь замок, были почти голыми. Лишь несколько карт висело на них — старых, выцветших, с пометками, сделанными разными руками в разное время. Узкое стрельчатое окно, выходившее на гавань, было закрыто ставнями, и единственным источником света служили магические кристаллы, вделанные в потолок. Их холодное, голубоватое сияние придавало лицам присутствующих неестественный, почти потусторонний оттенок.

В центре комнаты стоял массивный стол из тёмного дерева, заваленный свитками, книгами и письмами. За столом, в высоком кресле с резной спинкой, сидел тан Ихта.

Эльф, сидевший напротив, был старше Диром. Ненамного — лет на тридцать, может быть, на сорок, но для эльфов, чья жизнь длилась веками, эта разница была почти незаметна. Его лицо, худое, с острыми скулами и глубоко посаженными глазами, хранило следы былой красоты. Длинные тёмные волосы, тронутые сединой на висках, были забраны в низкий хвост. Одежда — простой тёмный камзол без украшений, лишь на груди поблёскивала серебряная брошь с гербом Ихта. В руках он держал раскрытый свиток, но, когда Диром вошёл, отложил его в сторону.

— Диром, — произнёс он, и голос его, низкий и спокойный, разнёсся под сводами кабинета. — Садись.

Диром не стал садиться. Он подошёл к столу, остановился напротив тана и, сняв капюшон, позволил воде, скопившейся на плаще, стечь на каменный пол. Тан не обратил на это внимания — он привык.

— У меня для вас очередная просьба, — сказал тан, и в его голосе прозвучала та особенная, усталая нота, которая появляется, когда просишь о помощи не в первый и не в последний раз.

— Слушаю, — ответил Диром.

— Всё практически как обычно.

— Практически? — Диром приподнял бровь. Это слово, сказанное таном, могло означать что угодно — от мелкой неприятности до катастрофы.

— Да, — тан кивнул, и его лицо стало чуть напряжённее. — На окраине города стали замечать экстремистов под гербом Патри Экри.

Диром молчал. Он ждал продолжения. Тан знал его манеру — не перебивать, давать высказаться до конца. Это было одним из немногих качеств, которые он ценил в своём... в своём ком, впрочем, неважно.

— Вроде всё как обычно, — продолжил тан. — Мелкие стычки, пьяные драки, разбитые окна. Но есть одно но.

— Какое?

— Подвох в том, что эта группировка крупнее обычных. И действуют они более слаженно и чётко, будто у них есть какая-то цель. Не просто грабёж, не просто хулиганство — что-то большее. Мои люди докладывают, что они собираются на сходки, распределяют роли, ведут разведку. Это уже не шайка отморожков — это организация.

— Ясно, — произнёс Диром, и в его голосе не было ни удивления, ни страха. Только констатация факта.

— Мастер Диром, — тан подался вперёд, и его глаза, тёмные, почти чёрные, встретились с глазами Диром. — Как обычно, лишь на вас я могу положиться. Мои люди — хорошие солдаты, но они не умеют работать в тени. Они не знают, как вытаскивать информацию из тех, кто не хочет говорить. Они не умеют незаметно проникать туда, куда им не положено. А вы умеете.

— Цена? — спросил Диром. Он не торговался — он просто уточнял условия.

— Вдвое больше обычного.

Диром кивнул. Сумма была щедрой. Даже очень щедрой. Тан Ихта не скупился, когда дело касалось безопасности города. И Диром, при всей своей внешней отстранённости, ценил это.

— Отлично, — сказал он. — Займусь сейчас же.

— Удачи вам, — произнёс тан, когда Диром уже повернулся к двери. — И будьте осторожны. Эти... они не похожи на тех, с кем вы имели дело раньше.

— Я всегда осторожен, — ответил Диром, не оборачиваясь.

Дверь за ним закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

Он снова шёл по коридорам замка, и его шаги гулко отдавались от каменных стен. Теперь в них чувствовалась лёгкая поспешность — не потому, что он торопился, а потому, что у него появилась цель. А Диром не любил терять время, когда цель была обозначена.

Лестница, ступени, арка ворот. Стража, узнав его, молча расступилась. Дождь на улице не стих — он даже не думал стихать. Вода лилась с неба, как из бесконечного ведра, и воздух был таким влажным, что, казалось, можно было пить его, не открывая рта. Диром натянул капюшон — вода уже успела натечь за воротник, и холод пробирал до костей. Но он не обращал внимания. Мысли его были заняты другим: группировка, крупнее обычных, действует слаженно, будто у них есть цель. Что за цель? Зачем им здесь, на окраине Ихта, собираться, планировать, вести разведку? Город был невелик, ресурсы скудны, стратегического значения не имел. Или имел?

Диром шёл по ночному Ихту, и дождь хлестал его по лицу, смешиваясь с потом, который выступил на лбу от напряжения. Он прокручивал в голове возможные варианты: диверсия? убийство? попытка захватить власть? Всё это было возможно, но всё это было слишком мелко для организации, которая, судя по словам тана, умела планировать и координировать действия.

«Патри Экри, — подумал он. — Даже мёртвый, ты продолжаешь сеять смуту. Твои последователи — как тараканы. Выжжешь один угол — они выползают из другого».

Он шёл, и город вокруг него менялся. Центральные улицы, мощёные гладким камнем, уступали место более узким, более запутанным переулкам, где дома лепились друг к другу, как перепуганные путники, и где даже в свете фонарей царил полумрак. Здесь пахло иначе — не морем и рыбой, а сыростью, плесенью и дешёвым табаком. Здесь жили те, кто не мог позволить себе жильё в центре. Здесь ютились бедняки, ремесленники, подёнщики, шлюхи и воры. Здесь, в этой части города, было опасно появляться ночью даже тем, кто знал здесь каждый угол.

Диром не боялся. Он шёл, и его фигура — высокая, прямая, закутанная в чёрный плащ — выделялась на фоне покосившихся домов и грязных мостовых, как клинок из белого золота среди груды ржавого железа. Прохожие, если они попадались, шарахались от него в стороны. Не потому, что узнавали — просто чувствовали опасность. Так животное чувствует приближение хищника.

Он искал таверну. Ту самую, где, по словам информаторов тана, собирались головорезы. Не главное их логово, нет — так, место, где они иногда появлялись, пили, болтали, хвастались. Место, где можно было задать вопросы и, возможно, получить ответы.

Он нашёл её на окраине, там, где городские кварталы переходили в пустыри, заросшие бурьяном и колючим кустарником. Здание было старым, покосившимся, с черепичной крышей, кое-где провалившейся. Вывеска над дверью, изображавшая, видимо, когда-то весёлого гнома с кружкой пива, теперь была настолько грязной и облупившейся, что разобрать детали не представлялось возможным. Окна, затянутые грязной тканью, едва пропускали свет. Изнутри доносился приглушённый гул голосов — немного, человек пять-шесть, не больше.

Диром толкнул дверь и вошёл.

Внутри пахло рыбой и мокрой пенькой — запах, который въедается в стены портовых заведений и не выветривается даже через сто лет. Пиво здесь подавали тёмное, густое, с горьковатым привкусом соли. Трое посетителей сидели в углу, и их лица, освещённые единствен-

ной лампой, казались вырезанными из старого дерева — тёмными, обветренными, с глубокими трещинами морщин.

Посетителей было четверо. Трое сидели за столом в углу, что-то тихо обсуждая, и при появлении Диром замолчали, провожая его настороженными взглядами. Четвёртый — трактирщик — стоял за стойкой, протирая кружки грязной тряпкой. Трактирщик был старым моряком — это выдавали руки: покрытые мозолями, с обломанными ногтями и татуировкой якоря на левом запястье. Он стоял за стойкой, покачиваясь, как будто палуба всё ещё ходила под ногами.

Диром подошёл к стойке и, не говоря ни слова, положил на неё серебряную монету.

Трактирщик поднял голову, окинул его быстрым, цепким взглядом — плащ, сапоги, меч на поясе, — и молча пододвинул ему кружку пива. Диром не притронулся к ней.

— Мне нужна информация, — сказал он тихо, но так, чтобы его голос перекрыл гул дождя за окном.

— Информация стоит дорого, — ответил трактирщик, и в его голосе прозвучала та особая, скользкая интонация, которая бывает у людей, привыкших торговать чужими тайнами.

— У меня есть деньги, — Диром выложил на стойку ещё несколько монет.

Трактирщик посмотрел на них, потом на Диром, потом снова на монеты. Его губы чуть дрогнули — то ли усмешка, то ли гримаса боли.

— Вы насчёт мародёров? — спросил он, и голос его стал тише.

— Насчёт мародёров, — кивнул Диром.

Трактирщик оглянулся на посетителей в углу — те сидели тихо, уткнувшись в свои кружки, и, казалось, не обращали на них внимания. Но Диром знал: они слушают. Каждое слово. Каждый звук.

— Пойдёмте, — сказал трактирщик, отодвигая створку в стойке и жестом приглашая Диром за неё.

Диром обошёл стойку и оказался в небольшом закутке, где стояли бочки с пивом и висели полки с посудой. Трактирщик, слегка согнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок, прошёл к дальней стене, нагнулся и начал ковыряться пальцами в щели между досками, которыми был выложен пол.

— Она здесь, — пробормотал он, — я её припрятал... тогда, когда они ушли. Думал, не пригодится, но... на всякий случай.

Он вытащил из щели небольшой, смятый, обгоревший по краям клочок бумаги. Протянул его Дирому.

Диром взял бумагу. Она была тонкой, дорогой — не той, что продают в лавках для простых горожан, а той, что используют для официальных писем. Края обуглились, часть текста была утрачена, но то, что осталось, можно было прочесть:

«...временный лагерь в пещере... к северу от города... ждать дальнейших указаний... не привлекать внимания...»

— Один из них обронил, — тихо сказал трактирщик. — Неуклюжий такой, толстый. Напился, полез в драку, свалился со стула, а бумажка выпала. Я подобрал, когда они ушли. Думал, может, пригодится.

— Пригодится, — кивнул Диром.

Он сунул бумажку в карман, достал из-за пазухи ещё несколько монет и положил их на бочку. Трактирщик сгрёб деньги с той же поспешной жадностью, с какой вытаскивал бумажку.

— Удачи вам, — прошептал он, и в его голосе слышалось облегчение — эльф, который только что избавился от опасной улики, чувствовал себя в безопасности.

Диром вышел из-за стойки, прошёл через зал и толкнул дверь. Дождь всё ещё лил, но теперь он казался ему не таким холодным. В руке была зацепка — бумажка, которая могла привести к логову мародёров. Пещера к северу от города. Он знал это место — старые каме-

ноломни, заброшенные много лет назад. Идеальное укрытие для тех, кто не хочет, чтобы его нашли.

Он уже собирался идти — ноги сами несли его на север, к окраине, к пустырям, к скалам, — но разум остановил его. Слишком поздно. Ночь, дождь, незнакомая местность, неизвестное количество противников. Он мог пойти, мог найти пещеру, мог даже проникнуть внутрь, но цена ошибки была слишком высока. Усталость, накопившаяся за день, давила на плечи. Глаза слипались. Он не спал уже почти сутки — сначала работа, потом дорога, потом этот дождь, этот разговор с таном, этот поиск.

«Завтра», — решил он. — «Завтра, когда рассветёт, когда дождь утихнет, когда я выплусь и буду готов».

Он повернул обратно, к таверне. Трактирщик, увидев его, удивлённо поднял бровь.

— Комнату на ночь, — сказал Диром, бросая на стойку ещё одну монету.

— Есть, — кивнул трактирщик, и его лицо расплылось в угодливой улыбке. — На втором этаже, первая дверь направо. Постель чистая, одеяло тёплое. Ужин будет — я пришлю.

— Не надо ужина, — ответил Диром. — Только комната.

Он поднялся по скрипучей лестнице, нашёл дверь, открыл её. Комната была маленькой, тесной, с низким потолком и единственным окном, выходившим на пустырь. Мебель — кровать, стул, стол, умывальник. На кровати — тонкий матрас, набитый соломой, и шерстяное одеяло. Диром снял мокрый плащ, повесил его на спинку стула, скинул сапоги. Меч положил рядом с кроватью — так, чтобы можно было дотянуться в любой момент.

Он лёг на кровать, и солома под ним жалобно заскрипела. Потолок над головой был тёмным, с трещинами, в которых, возможно, прятались пауки. За стеной кто-то кашлял — глухо, надрывно. Где-то внизу трактирщик переставлял посуду. Дождь барабанил по крыше, и этот звук, монотонный и убаюкивающий, постепенно заполнял всё пространство.

Диром закрыл глаза.

Мысли — о мародёрах, о пещере, о тане, о завтрашнем дне — кружились в голове, но постепенно они угасали, уступая место темноте. Той самой, глубокой, исцеляющей темноте, которая приходит только после долгого, трудного дня.

Он заснул.

За окном всё так же лил дождь, и ветер выл в щелях, и где-то далеко, на севере, в скалах, ждала пещера. Ждали люди, которые верили в мёртвого принца и были готовы умереть за его идеи. Ждала новая работа. Но это будет завтра. А сегодня — только тишина, только холод, только запах дождя и старого дерева. И мысль, которая не давала покоя: «Семена взойшли. Рано или поздно они взойдут».

Глава 2: Северная пещера

Солнце ещё даже не подумало показываться из-за горизонта, когда Диром открыл глаза.

В комнате было темно — окно, выходившее на пустырь, не пропускало света, и только узкая щель под дверью, откуда сочилось тусклое, жёлтое сияние масляной лампы в коридоре, напоминала о том, что мир за пределами этой тесной каморки всё ещё существует. Дождь стих. Не перестал — стих, постепенно, словно уставший музыкант, который наконец опустил смычок. Тишина, наступившая после него, была почти оглушительной. Только редкие капли срывались с карниза и падали в лужу под окном, и этот звук — мерный, успокаивающий — был единственным, что нарушало безмолвие.

Диром сел на кровати, свесил ноги. Солома под ним жалобно скрипнула — жалоба старого, выдавшего виды матраса. Он потянулся, хрустнув позвонками, и провёл ладонью по лицу. Щетина за ночь отросла, и пальцы нащупали колючую, жёсткую щетину — мелочь, но напоминание о том, что он не молод, что годы берут своё, что даже его, закалённое десятилетиями тренировок и боёв, тело требует отдыха и ухода.

Он встал. Пол под ногами был холодным, неотёсанные доски, казалось, впитали в себя всю сырость прошедшей ночи. Плащ, повешенный на спинку стула, высох — вернее, перестал быть мокрым, но всё ещё хранил в себе запах дождя и влажной шерсти. Диром накинул его на плечи, затянул ремень с мечом, нащупал в кармане смятую бумажку. Она была на месте.

Он вышел из комнаты, спустился по скрипучей лестнице в общий зал. Трактирщик — тот самый, с татуировкой якоря на запястье, — уже был на ногах. Он протирает стойку, и его маленькие, цепкие глаза скользнули по Дирому, оценивая, запоминая, взвешивая.

— Уходите? — спросил он, и в его голосе не было удивления.

— Ухожу, — ответил Диром, бросая на стойку ещё одну монету — плата за постой.

— Удачи вам, — произнёс трактирщик, и на этот раз в его словах не было той скользкой, угодливой интонации. Только усталая, привычная вежливость человека, который желает удачи всем, кто уходит, потому что не знает, вернутся ли они.

Диром кивнул и вышел.

Улицы Ихта были пусты. Не той пустотой, что бывает ночью, когда город спит, а другой — предрассветной, когда сон уже отступает, но жизнь ещё не проснулась. Воздух был влажным, прохладным, и в нём чувствовался тот особый, утренний запах, который бывает только после долгого дождя — запах мокрой земли, свежей листвы и чего-то ещё, неуловимого, обещающего новый день. Фонари на перекрёстках уже погасли — кто-то, видимо, обходил их в предрассветный час, гася один за другим, — и город погрузился в серый, молочный полумрак.

Диром шёл быстро, но не бежал. Он знал: спешка — плохой советчик в делах, требующих тишины и скрытности. Его сапоги ступали по мокрому камню почти бесшумно — он умел двигаться так, чтобы не привлекать внимания, даже когда вокруг никого не было. Старая привычка, выработанная годами службы сначала в Лесном, а потом и в Тёмном Ордене. Привычка, которая спасала ему жизнь не раз и не два.

Город постепенно заканчивался. Каменные дома, лепившиеся друг к другу, как перепуганные путники, становились всё ниже, всё более покосившимися, всё более похожими на руины, в которых ещё теплилась жизнь. Улицы превращались в тропы, тропы — в просёлки, просёлки — в грязные, размытые дождём колеи, уходящие в лес. Диром свернул на северную дорогу — ту самую, что вела к старым каменоломням.

Лес встретил его тишиной.

Деревья здесь были не такими, как в глубине Элфтенхолда — высокими, древними, с могучими стволами и кронами, смыкавшимися над головой в плотный, почти непроницаемый для света полог. Здесь, на окраине, у самого города, лес был молодым, чахлым, с редкими берёзами и осинами, чьи листья, пожелтевшие и опавшие, устилали землю мокрым, шуршащим ковром. Ветки, голые и чёрные, тянулись к небу, как скрюченные пальцы, и в этом безмолвии, среди этой серой, промозглой осенней красоты, Диром чувствовал себя чужим. Не потому, что боялся — он не боялся ничего. А потому, что лес этот был не его. Он принадлежал другим — тем, кто родился здесь, кто вырос среди этих стволов и ветвей, кто умел слышать его дыхание.

Диром шёл, и его мысли возвращались к бумажке, лежавшей в кармане. «...временный лагерь в пещере... к северу от города...» Он знал это место. Старые каменоломни — заброшенные, забытые, заросшие кустарником. Идеальное убежище для тех, кто не хотел, чтобы его нашли. Идеальное место для засады. «Будьте осторожны», — сказал тан. Диром всегда был осторожен. Но осторожность не означала бездействие.

Он шёл около часа, когда лес начал редеть. Деревья расступались, уступая место каменистым россыпям, поросшим редким, цепким кустарником. Земля здесь была неровной, изрытой, и Дирому приходилось то и дело перешагивать через глубокие рытвины, оставшиеся после того, как много лет назад здесь добывали камень. Воздух стал холоднее, в нём появился новый запах — запах металла, сырости и чего-то ещё, неуловимого, что он не мог определить. Или не хотел.

А потом он услышал голоса.

Сначала они были едва различимы — обрывки фраз, смех, редкие, отрывистые слова. Диром остановился, прислушался. Голоса доносились откуда-то справа, из-за гряды невысоких скал, поросших мхом и лишайником. Он осторожно, стараясь не шуметь, двинулся в ту сторону, прячась за стволами деревьев, за кустами, за каждым камнем, который мог служить укрытием.

Их было двое. Лесные эльфы. Они стояли у входа в пещеру — тёмного, зияющего провала в скале, откуда тянуло холодом и сыростью. Над входом, прикреплённый к длинному шесту, висел флаг. Диром узнал его — герб Патри Экри, тот самый, под которым когда-то шли в бой его сторонники: чёрный дракон, терзающий оленя, на алом поле. Флаг был старым, потрёпанным, с выцветшими красками, но он всё ещё реял на ветру, как напоминание о том, что идеи мёртвого принца живы.

Стражники были одеты в броню старого образца — ту самую, что носили эльфы во время войны с людьми девять лет назад. Лёгкая, золотистая, с изящными, почти воздушными наплечниками, она скорее украшала, чем защищала, но Диром знал: под ней была кольчуга, сплетённая из тысяч мелких, острых звеньев, похожих на крылья птицы. Такая кольчуга не брала ни стрела, ни меч, если удар не был точен. Он видел эту броню на полях сражений. Он знал её слабые места.

Стражники не заметили его. Они стояли, опершись на длинные копья, и о чём-то тихо переговаривались, изредка поглядывая на дорогу. Они не ждали гостей — особенно таких, как Диром.

Он вышел из-за дерева.

Не крадучись, не прячась — просто вышел, как если бы прогуливался по вечернему городу. Спокойно, неторопливо, с видом эльфа, который никуда не спешит и которого ничего не пугает.

Стражники заметили его. Заметили, но не сразу поняли, что происходит. Слишком неожиданным было его появление — из леса, на рассвете, без оружия наголо, без криков и угроз. Он просто шёл к ним, и в его походке не было ни вызова, ни страха. Только спокойная, уверенная сила.

Первый стражник опомнился быстрее. Он выкрикнул что-то на своём гортанном, лесном наречии — Диром не разобрал слов, но уловил смысл: угроза, приказ остановиться, предупреждение. Второй поднял копьё, изготовившись к броску.

Диром не остановился.

Он поднял руку — плавно, почти небрежно, — и воздух вокруг его пальцев сгустился, замерцал, приобретая тот самый, знакомый до боли фиолетовый оттенок. Фиолетовая стихия. Сила, которую он носил в себе, которую выучился пробуждать много лет назад, когда ещё служил Тёмному Ордену. Сила, которая не черпала энергию извне — она пробуждала её внутри, в самой сердцевине существа, в той точке, где воля сталкивалась с возможностью.

Волна сжатого воздуха, усиленная магией, ударила первого стражника в грудь. Тот не успел даже вскрикнуть — его тело, отброшенное назад, с размаху врезалось в скалу. Раздался глухой, влажный хруст — звук ломающихся костей, смешанный с плеском крови. Эльф рухнул на землю, и его лицо, ещё мгновение назад полное ярости, теперь было просто маской — безжизненной, пустой, разбитой о камень.

Второй стражник не побежал. Он бросился в атаку, и его копьё, длинное и острое, описало в воздухе смертоносную дугу, целя в шею Дирому. Но Диром был быстрее. Его меч, выхваченный из ножен быстрее, чем глаз успел заметить, встретил копьё на полпути, отбил его в сторону, и тут же, в том же движении, обрушился на противника — не рубящим ударом, а режущим, по диагонали, от левого плеча к правому бедру. Лезвие, усиленное фиолетовой стихией, прошло сквозь золотистую броню, как нож сквозь масло. Кольчуга, сплетённая из ост-

рых, как крылья птицы, звеньев, рассыпалась, не выдержав удара. И эльф, ещё мгновение назад живой и полный сил, распался на две части, которые с глухим стуком упали на мокрую землю.

Тишина, наступившая после, была оглушительной.

Диром вытер меч о плащ убитого — машинальное движение, отработанное до автоматизма, — и шагнул в пещеру.

Внутри было темно. Глаза, привыкшие к предрассветным сумеркам, не сразу смогли разобрать очертания стен и сводов. Пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — тем особым, сладковатым запахом, который бывает в местах, где живут люди, но не живут по-настоящему. Запахом отчаяния. Запахом страха.

Диром зажёл магический светлячок — маленький, пульсирующий шар фиолетового света, повисший над его плечом. Этого было достаточно, чтобы видеть на несколько шагов вперёд, но не больше.

Пещера была неглубокой — когда-то здесь добывали камень, но за прошедшие годы запасы истощились, и шахту забросили. Основной туннель, широкий и прямой, уходил вглубь, разветвляясь на несколько ответвлений. Диром пошёл по центральному — туда, где, как он чувствовал, были люди.

Первые двое попались ему через несколько минут. Они сидели у костра — небольшого, почти бездымного, сложенного из сухих веток и обломков старых ящиков. На них была такая же броня, как у стражников у входа, — золотистая, с кольчугами из острых звеньев. Они не заметили его приближения — слишком были увлечены едой, которую вытаскивали из рюкзаков: чёрствый хлеб, вяленое мясо, какие-то соленья.

Диром не стал церемониться.

Фиолетовая стихия ударила снова — на этот раз не широкой волной, а узким, сфокусированным лучом, который пронзил первого эльфа насквозь. Тот даже не успел вскрикнуть — только захрипел, схватился за грудь, откуда хлестала кровь, и рухнул на землю. Второй вскочил, потянулся за мечом, но Диром уже был рядом. Один удар — короткий, точный, в основание черепа. Эльф обмяк и осел, не издав ни звука.

Дальше — больше.

Пещера была лабиринтом, и в каждом ответвлении, за каждым поворотом, его ждали новые враги. Трое в боковом туннеле — их Диром застал врасплох, когда они чистили оружие. Четверо в большом зале, где когда-то, видимо, была главная штольня — они сидели вокруг карты, разложенной на грубо сколоченном столе, и о чём-то спорили. Пятеро в самом конце, у дальней стены, где горел единственный факел и пахло чем-то горелым, кислым, неприятным — возможно, они что-то варили или курили.

Диром убивал быстро, почти беззвучно. Фиолетовая стихия делала его неуловимым — он появлялся из тени, наносил удар, исчезал, и враги, даже если успевали заметить, не понимали, откуда пришла смерть. Меч в его руке порхал, как тростинка, и каждый взмах уносил чью-то жизнь. Он не чувствовал ни жалости, ни раскаяния. Только холодную, отрезвляющую ясность. Эти люди пришли сюда с оружием. Они верили в идеи Патри Экри — идеи, которые уже убили тысячи. Они были врагами. А врагов нужно уничтожать.

И вот, наконец, он добрался до самого дальнего зала.

Здесь было просторнее, чем в других. Стены были укреплены деревянными балками, пол выложен камнем, а в центре стоял массивный стол, заваленный картами, свитками и какими-то бумагами. За столом, в высоком кресле, сколоченном из досок, сидел эльф.

Он был старше остальных — лет под двести, не меньше. Его лицо, худое и бледное, с глубокими морщинами у глаз и губ, было изрезано шрамами. Длинные седые волосы, собранные в хвост, спускались ниже плеч. Одет он был не в броню, как его подчинённые, а в простой тёмный камзол, на котором тускло поблёскивал герб Патри Экри — чёрный дракон, терзающий оленя. В руках он держал меч — длинный, изогнутый, с рукоятью, украшенной чёрным камнем.

Увидев Диром, он не удивился. Не испугался. Он медленно поднялся из-за стола, и в его глазах, тёмных, глубоких, загорелся холодный, зловещий огонь.

— Ты, — произнёс он, и голос его прозвучал тихо, но отчётливо. — Я знал, что ты придёшь. Диром. Убийца нашего пророка.

— Твой пророк мёртв, — спокойно ответил Диром. — И те, кто идёт по его стопам, последуют за ним.

— Ты не сможешь остановить нас, — эльф усмехнулся, и в этой усмешке было что-то безумное, отчаянное. — Семена взошли. Рано или поздно они взойдут. Так сказал Патри. И я верю ему.

— Это твоё право, — ответил Диром, поднимая меч. — Но сейчас ты умрёшь.

Они сошлись.

Бой был коротким, но яростным. Эльф — главарь, как понял Диром, — оказался искусным фехтовальщиком. Его изогнутый клинок мелькал в воздухе, нанося удары с неожиданной скоростью и точностью. Он не пытался блокировать атаки Диром — он уклонялся, кружил, заставлял противника тратить силы. Он знал, что Диром сильнее. Он знал, что его шансы невелики. Но он сражался.

Диром позволил ему выплеснуть ярость. Он парировал, уходил в сторону, отступал, но не атаковал. Он изучал. Он ждал. И когда эльф, выдохнувшись, замедлился на долю секунды, Диром нанёс свой удар — не мечом, а магией. Фиолетовая волна ударила в грудь противника, отбросила его к стене. Эльф рухнул на колени, выронив оружие. Из его рта потекла кровь.

— Убей... — прошептал он, поднимая глаза на Диром. В его взгляде не было страха. Только вызов. — Убей меня. И иди к своим... продажным танам. Но мы вернёмся. Всегда возвращаемся.

Диром подошёл к нему, занёс меч. И одним ударом отсёк ему голову.

Тело обмякло и рухнуло на пол. Голова, отделившись от туловища, откатилась к стене и замерла, уставившись пустыми глазами в потолок.

Диром вытер меч, убрал его в ножны и подошёл к столу.

Бумаги, разложенные на столе, были бесполезны — отчёты, списки, какие-то заметки, не имевшие значения. Но в одном из ящичков, задвинутым вглубь, он нашёл то, что искал.

Письмо.

Оно было написано на тонкой, дорогой бумаге — такой же, как обгоревший клочок, который дал ему трактирщик. Почерк был аккуратным, почти каллиграфическим — явно не рука воина. Диром пробежал глазами по строкам.

«Я не разделяю ваших взглядов, — писал неизвестный отправитель. — Я не верю в то, во что верил Патри Экри. Но обстоятельства вынуждают меня обратиться за помощью именно к вам. Ваши люди умеют действовать в тени, а мне нужны именно такие. Вот моя плата — мешок эльфийских золотых монет. Они необычны, но вы сами это увидите. О сути просьбы — позже. Ждите гонца».

Ни подписи, ни печати. Только этот текст.

Рядом с письмом, в том же ящичке, лежал мешок — старый, потрёпанный, затянутый верёвкой. Диром развязал её, заглянул внутрь. Монеты были золотыми, эльфийской чеканки, но... странными. Рисунок на них отличался от того, что он привык видеть. Герб — не знакомый ему, с каким-то невиданным зверем, — был выбит с одной стороны, а с другой — странные, угловатые руны, которых он не мог прочесть.

«Кто ты? — подумал Диром, пряча письмо и мешок в карманы. — И что тебе нужно от этих безумцев?»

Ответов не было. Только тишина, только запах крови и сырости, и где-то далеко, у входа в пещеру, ветер шелестел флагом с чёрным драконом.

Он покинул пещеру так же, как вошёл — быстро, бесшумно, оставляя за собой только мёртвых. На улице уже рассвело. Солнце, огромное и бледное, поднималось над горизонтом, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Дождь кончился окончательно, и воздух был чистым, прозрачным, полным обещания нового дня.

Диром шёл через лес, и его мысли возвращались к письму. Кто мог его написать? Кто-то богатый, судя по бумаге и золоту. Кто-то влиятельный, раз имел доступ к таким ресурсам. И кто-то, кто не разделял взглядов Патри, но был вынужден обратиться к его сторонникам за помощью. Что это за помощь? И почему он не мог попросить кого-то другого?

Лес постепенно редел. Деревья расступались, уступая место окраинным кварталам Ихта — тем самым, где ютились бедняки, ремесленники, подёнщики. Здесь уже было оживлённее — люди просыпались, открывали ставни, выходили на улицы. Кто-то нёс вязанку дров, кто-то тащил тележку с овощами, кто-то просто стоял на пороге, курил трубку и смотрел на прохожего.

Диром не обращал на них внимания. Он шёл быстро, но не бежал, и его фигура — высокая, прямая, закутанная в чёрный плащ — выделялась на фоне серых, покосившихся домов, как клинок из белого золота среди груды ржавого железа.

Замок тана показался через полчаса.

Он возвышался на скале, нависавшей над гаванью, и в лучах утреннего солнца казался почти красивым — не мрачным и угрожающим, как ночью, а величественным, древним, хранящим память о веках. Стены, сложенные из чёрного базальта, блестели после дождя, и капли воды, застрявшие в трещинах, переливались всеми цветами радуги.

У ворот его встретила та же стража, что и вчера. Тёмные эльфы в лёгких, но прочных доспехах, с длинными копьями в руках. Узнав Диром, они почтительно расступились.

— Тан ждёт вас, — сказал один из них, и в его голосе прозвучало уважение — или, может быть, облегчение.

Диром кивнул и шагнул под арку ворот.

Внутри было так же темно, как и вчера. Коридоры замка, вырубленные в толще скалы, не знали дневного света, и факелы, горевшие в бронзовых бра, давали больше дыма, чем света. Диром поднимался по лестнице — ступени, широкие и пологие на нижних этажах, становились всё круче и уже по мере приближения к кабинету тана. Его шаги гулко отдавались от каменных стен, и эхо, многократно усиленное, разносилось по коридорам, как предупреждение: «Он идёт. Он идёт».

Кабинет тана был таким же, как вчера. Стены из чёрного базальта, карты, свитки, магические кристаллы под потолком. За столом, в высоком кресле с резной спинкой, сидел Мал'гадор — тан Ихта.

Диром вошёл, остановился у стола. На этот раз он не стал ждать приглашения сесть.

— Я сделал, — сказал он, выкладывая на стол письмо и мешок с монетами. — Лагерь уничтожен. Все, кто был внутри, мертвы.

Мал'гадор взял письмо, пробежал глазами по строкам. Его лицо оставалось непроницаемым, но Диром заметил, как дрогнули пальцы, сжимавшие бумагу.

— Незвестный отправитель, — произнёс он, откладывая письмо. — И странные монеты. — Он взял мешок, развязал, высыпал на стол несколько золотых. Рассмотрел их, повертел в руках. — Рисунок... я не знаю такого герба. Это не наши монеты. Не эльфийские, по крайней мере, не те, что в ходу сейчас.

— Я заметил, — кивнул Диром.

Мал'гадор долго молчал, глядя на монеты. Потом убрал их обратно в мешок и поднял глаза на Диром.

— Вы сделали больше, чем я просил, — сказал он. — Вы не только уничтожили группировку, но и нашли след. Это письмо... и эти монеты... они могут привести нас к заказчику. Тому, кто стоит за этими людьми.

— Заказчику, который не разделяет их взглядов, — добавил Диром. — Но вынужден к ним обратиться.

— Именно. — Мал'гадор кивнул. — Это странно. Это тревожно. Это... интересно.

Он встал, подошёл к сейфу, вделанному в стену, открыл его. Диром услышал звон монет — тан отсчитывал плату. Когда он вернулся, в руках у него был увесистый мешочек.

— Здесь вдвое больше обычного, как я и обещал, — сказал он, протягивая мешочек Дирому. — И ещё столько же — за то, что вы продолжите расследование. Узнаете, кто автор этого письма. Что ему нужно. И почему он обратился к сторонникам Патри.

Диром взял мешочек, не пересчитывая. Он знал: Мал'гадор не обманывает.

— Я согласен, — сказал он.

— Хорошо. — Тан снова сел в кресло, и его лицо стало задумчивым. — Эти монеты... они могут быть ключом. Найдите того, кто их чеканил. Кто их использует. Это может привести вас к отправителю.

Диром убрал письмо, мешок с монетами и свой гонорар в карманы плаща. Поклонился — коротко, почтительно, как того требовал этикет, — и направился к двери.

— Диром, — окликнул его Мал'гадор, когда он уже взялся за ручку.

Диром обернулся.

— Будьте осторожны. — В голосе тана звучала не просто просьба — приказ. — Эти... они играют по-крупному. И не остановятся ни перед чем.

— Я всегда осторожен, — ответил Диром и вышел.

Он снова шёл по коридорам замка, и его шаги гулко отдавались от каменных стен. В кармане лежало письмо — тонкая, хрупкая нить, ведущая к неизвестному отправителю. И мешок с монетами — странными, незнакомыми, с гербом, которого он никогда не видел.

«Кто ты? — думал он, спускаясь по лестнице. — Что тебе нужно? И почему ты обратился к тем, кого презираешь?»

Ответов не было. Только тишина, только холод, только запах камня и времени.

Но Диром знал: он найдёт эти ответы.

Рано или поздно.

Он вышел из замка, и утреннее солнце ударило в глаза, ослепив на мгновение. Город внизу жил своей жизнью — люди спешили по делам, торговцы открывали лавки, дети бежали в школы. Обычная, мирная жизнь. Жизнь, которую он защищал.

Он поправил плащ, затянул пояс с мечом и зашагал вниз, в город, в толпу, в неизвестность.

Впереди было новое дело. Новая загадка. Новые враги.

И он был готов к ним.

Глава 3: Друидская община

Ихт просыпался.

Город, который ночью казался вымершим, наполнялся звуками — сначала редкими, отрывистыми, как первые капли дождя после засухи, потом всё более частыми, пока наконец не слился в единый, многоголосый гул. Хлопали ставни — деревянные, разошедшиеся, с петлями, которые давно просили масла. Скрипели двери, открываемые сонными руками. Где-то в глубине квартала кто-то кашлял — глухо, надрывно, будто пытался вытолкнуть из лёгких саму тьму. Где-то ругались на непослушную лошадь — голос был хриплым, с металлическими нотками, знакомыми каждому, кто хоть раз имел дело с упрямым животным. А на башне ратуши, возвышавшейся над крышами, зазвонил колокол — его низкий, протяжный гул растекался над городом, проникая в каждый переулок, в каждую щель, в каждый ещё не проснувшийся разум.

Он звал рабочих на утреннюю смену, и те, кто ещё минуту назад лежал в постелях, начинали шевелиться, натягивать одежду, хватать кусок хлеба на ходу.

Воздух, ещё час назад влажный и прохладный, наполнялся новыми запахами. Слышался аромат свежего хлеба — тёплый, чуть сладковатый, обещающий сытость. К нему примешивался более резкий, маслянистый запах жареного лука — его жарили в дешёвых забегаловках для рабочих, которым нужна была плотная, горячая еда перед долгим днём. А поверх всего этого — запах жизни: пота, дыма из труб, мокрых булыжников после ночного дождя, лошадиного навоза и моря. Особенно моря. Ихт был портовым городом, и соль, йод, водоросли и гниющие рыбы — всё это смешивалось в единый, ни с чем не сравнимый аромат, который витал над гаванью, поднимался вверх по узким улочкам и заползал даже в самые отдалённые кварталы.

Диром шёл по городу, и его мысли были заняты монетами.

Он нёс их в кармане — тяжёлый, увесистый мешок, перетянутый грубой верёвкой. Монеты позвякивали при каждом шаге — негромко, почти незаметно, но этот звук, тихий и настойчивый, казался ему насмешкой. Двенадцать золотых кружков. Двенадцать маленьких кусочков металла, которые могли рассказать о том, кто их отчеканил, если бы он умел их слушать. Но они молчали, и это молчание было тяжелее любого крика.

«Герб, — думал он, вспоминая незнакомого зверя на аверсе. — Чей он? Я никогда не видел такого раньше. Ни в книгах, ни на монетах, ни на знамёнах. Это что-то древнее? Или чужое? Может быть, вымерший вид? Или существо из другого континента?»

Пункты обмена валюты в Ихте были разбросаны по всему городу, как щепки после шторма. В портовом квартале, где швартовались корабли со всего острова — от лёгких эльфийских клиперов до грузных гномьих барж, — их было больше всего. Купцы, прибывавшие из дальних земель, часто меняли деньги, и местные менялы наживались на этом неплохо. В центре, где жили аристократы и богатые торговцы, пунктов было меньше, но они были солиднее — с каменными стенами, железными решётками на окнах и вооружённой охраной, которая скучающе переминалась с ноги на ногу у входа. А на окраинах, в рабочих кварталах, где ютились бедняки и подёнщики, менялы работали на свой страх и риск — их лавки чаще всего были просто деревянными будками, где за толстым, мутным стеклом сидел тощий эльф с весами и лупой.

Диром начал с портового квартала.

Первый пункт находился на углу Рыбной улицы и Набережной. Здесь воздух пах особенно сильно — солью, водорослями и чем-то ещё, кислым, напоминавшим прокисшее вино. Мостовая была мокрой, скользкой, и сапоги Диромы то и дело соскальзывали с булыжников, покрытых зелёной слизью. Лавка «Золотой скат» была небольшой, приземистой, с покосившейся крышей, на которой росли пучки пожухлой травы. Вывеска, изображавшая рыбу, глотающую монету, была нарисована яркими, но выцветшими красками — когда-то она, наверное, привлекала внимание, но теперь лишь напоминала о былом величии. Стекла были грязными, и сквозь них едва угадывались очертания внутреннего помещения. Дверь, обитая ржавым железом, скрипнула, когда Диром толкнул её.

Внутри было тесно и темно. Единственный источник света — масляная лампа, стоявшая на стойке, — давал больше дыма, чем света. Пахло старым деревом, плесенью и ещё чем-то кислым, напоминавшим уксус. Стены были заставлены деревянными полками, на которых в беспорядке лежали стопки монет, какие-то бумаги, старые весы. В углу, на табурете, сидел меняла — сухой, жилистый эльф с длинными седыми волосами, которые свисали сальными прядями. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, как потрескавшаяся земля, а маленькие, цепкие глаза смотрели на мир с той особой, настороженной хитростью, которая бывает только у тех, кто привык торговать чужими тайнами.

Диром достал одну монету и протянул ему.

Меняла взял её, повертел в руках, поднёс к свету — к дрожащему пламени лампы. Пошевелил губами, будто пробуя металл на вкус. Затем понюхал — коротко, по-звериному.

— Не знаю такой, — сказал он наконец, возвращая монету. Голос его был сухим, скрипучим, как несмазанная дверь. — Рисунок незнакомый. Может, древняя чеканка? Но я таких не видел. Простите, господин.

Диром забрал монету и вышел. Свет ударил в глаза, и на мгновение он ослеп — после полумрака лавки даже серое утро казалось ослепительным.

Второй пункт находился в Купеческом квартале, на улице Шёлковых парусов. Здесь было просторнее, богаче. Дома стояли вплотную друг к другу, но были сложены из светлого, почти белого камня, и их окна были забраны не мутным стеклом, а настоящими витражами — с цветами, птицами, кораблями. Мостовая была ровной, чистой, и сапоги Диромы ступали по ней почти бесшумно. Лавка «Королевская монета» была заставлена стеклянными витринами, в которых на бархатных подушечках лежали золотые и серебряные изделия — цепочки, кольца, броши, а также старые монеты в аккуратных рамках. Хозяин — пухлый, лысеющий эльф с масляными глазками и влажными, пухлыми губами — встретил Дирому с подобострастной улыбкой, от которой у самого терпеливого человека зачесались бы кулаки.

— Чем могу служить, господин? — пропел он, потирая руки. — Обмен? Покупка? Продажа? У нас есть отличные экземпляры — редкие, коллекционные...

— У меня есть монеты, — перебил Диром, выкладывая на прилавок одну из них. — Мне нужно узнать, что это за монеты.

Меняла взял монету, повертел, поднёс к увеличительному стеклу — массивной линзе в медной оправе, стоявшей на столе. Его улыбка увяла, как цветок, лишённый воды.

— Хм... — протянул он, и его брови поползли вверх. — Странно. Очень странно. Рисунок... я не помню такого. Герб... это не наш герб. Не эльфийский, по крайней мере, не тот, что в ходу сейчас. Может, подделка?

— Не подделка, — сказал Диром. — Золото настоящее.

— Золото настоящее, это да, — кивнул Меняла, с сожалением возвращая монету. — Но рисунок... увы, я не знаю. Простите, господин.

Диром забрал монету и вышел.

Третий пункт — на улице Трёх Фонтанов. Здесь было шумно — фонтаны, в честь которых называли улицу, били круглосуточно, и их журчание смешивалось с голосами торговцев, зазывавших прохожих. Лавка «Серебряный ключ» оказалась ещё меньше первой, зато хозяин — молодой, нервный эльф с бегаящими глазами — сразу предложил Дирому выпить чаю, от чего тот вежливо отказался. Монету он вертел долго, даже попробовал на зуб, но в итоге развёл руками.

— Не знаю, — сказал он. — Никогда не видел.

Четвёртый пункт — на площади Золотых Весов. Это было самое оживлённое место в Ихте — сюда стекались купцы со всего порта, здесь же находилась биржа, где заключались крупные сделки. Лавка «Монеты мира» была просторной, светлой, с высокими потолками и витринами, в которых на вращающихся подставках демонстрировались монеты разных эпох. Хозяин — старый, но бодрый эльф с окладистой седой бородой, заплетённой в косички, — долго рассматривал монету, даже зачем-то взвесил её на аптекарских весах, но в конце концов покачал головой.

— Простите, господин, — сказал он, возвращая монету. — Мне это не знакомо. Может быть, вы попробуете в лавке древностей на окраине? Там старик торгует, он всякую всячину знает.

Диром уже начал терять надежду, когда он добрался до пятого пункта.

Он находился на самой окраине портового квартала, там, где улицы становились узкими, грязными и кривыми, а дома лепились друг к другу, как пьяные матросы, ищущие опору. Здесь

было бедно, людно и шумно — но какой-то другой, не такой, как в центре. Здесь не было витрин и фонтанов. Здесь были только камни, грязь и запах отчаяния. Лавка была маленькой, неприметной, зажатой между рыбной лавкой и мастерской сапожника. Вывеска, на которой было выведено «Монеты всех времён», висела криво, и буквы на ней облупились. Стекла были пыльными, дверь — покосившейся, и при каждом шаге прохожих она тихонько постукивала.

Внутри пахло старым пергаментом, воском и чем-то ещё — тем особым, сладковатым запахом, который бывает в местах, где хранятся древности. Запахом времени. Пол был деревянным, скрипучим, и под ногами что-то хрустело — то ли осколки керамики, то ли засохшие травы. Стены были заставлены стеллажами, на которых в хаотичном порядке лежали книги, свитки, какие-то странные предметы — амулеты, статуэтки, обломки посуды. В углу, под толстым слоем пыли, стоял глобус — чёрный, с потускневшими континентами.

Хозяин лавки оказался старым, очень старым эльфом. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, как кора древнего дуба, а глаза — выцветшие, бледно-голубые — смотрели на мир с той особой, отстранённой мудростью, которая бывает только у тех, кто прожил не одну сотню лет. Он сидел в кресле-качалке, медленно покачиваясь, и курил трубку — длинную, изогнутую, из тёмного дерева. Дым, ароматный и терпкий, вился вокруг него, как призрак.

Диром выложил перед ним монету.

Старик открыл глаза. Посмотрел на монету. Потом на Диром. Потом снова на монету.

— Где вы это взяли? — спросил он, и голос его, скрипучий, как несмазанная дверь, прозвучал странно — в нём не было ни любопытства, ни страха. Только удивление. Глубокое, почтительное удивление человека, который узнал старую знакомую.

— Неважно, — ответил Диром. — Что это за монеты?

Старик не торопился. Он взял монету в руки — не двумя пальцами, как предыдущие менялы, а всей ладонью, словно взвешивая её душу. Повертел, поднёс к свету — не к тому, что падал из окна, а к маленькой, масляной лампе, стоявшей на столе. В её жёлтом, дрожащем свете рисунок на монете казался живым — зверь, выбитый на аверсе, словно шевелился, дышал, смотрел на Диром своими каменными глазами.

— Это эльфийские золотые, — сказал старик, и в его голосе зазвучали нотки, которых раньше не было. Ностальгия. Печаль. — Но не те, что в ходу сейчас. Эти вышли из оборота почти семьсот пятьдесят лет назад. Их чеканили в последние годы правления короля Эл'тарина, до того, как началась чехарда на троне, когда каждый второй объявлял себя наследником и печатал свои монеты.

— Семьсот пятьдесят лет? — Диром нахмурился. — И почему они вышли из оборота?

Старик усмехнулся, и в этой усмешке было что-то горькое, почти печальное — как у эльфа, который вспоминает молодость и понимает, что она не вернётся.

— Их переплавили. Практически все. До единой. Новый король — кажется, его звали Мар'фарион, или что-то вроде того — решил, что старые монеты — это напоминание о смутных временах, и приказал собрать их и перелить в новые. Символ, так сказать, обновления. Заодно и свою рожу на монетах отчеканил. — Он помолчал, выпустил клуб дыма. — Говорят, тогда было уничтожено почти девяносто процентов всех монет старой чеканки. Те, что остались, хранятся в частных коллекциях — у тех, кто успел припрятать. Или...

Он замолчал, глядя на Диром. В его глазах, выцветших и бледных, загорелся какой-то странный огонёк.

— Или? — переспросил Диром.

— Или они были у тех, кто не хотел, чтобы их нашли. — Старик пожал плечами. — Контрабандисты, воры, убийцы. Или просто люди, которые не доверяли новому королю. В любом случае, такие монеты сейчас — большая редкость. Я могу предложить вам за них в три раза больше обычного эльфийского золота. Это щедрое предложение, господин. Очень щедрое.

— Я не продаю, — ответил Диром. — Мне нужна информация. Откуда они? Кто мог их чеканить?

— Чеканить? — Старик покачал головой. — Их чеканили при короле Эл'тарине, как я уже сказал. Но если вы спрашиваете, кто мог владеть этими монетами сейчас, спустя семьсот пятьдесят лет... — Он развёл руками, и его длинные, костлявые пальцы с жёлтыми ногтями мелькнули в воздухе. — Это могут быть потомки тех, кто их припрятал. Или те, кто нашёл клад. Или те, кто получил их в наследство. Или... — он сделал паузу, понизив голос почти до шёпота, — ...те, кто имеет доступ к архивам старой королевской казны.

— Кто имеет доступ?

— Никто, — усмехнулся старик, и в его усмешке промелькнуло что-то хищное. — Архивы сгорели. Или были уничтожены. Или... — он снова понизил голос, — ...может быть, кто-то их припрятал для себя. Такое тоже бывало.

Диром молчал. Информация была ценная, но недостаточная. Он знал теперь, что монеты старые, редкие, что они вышли из оборота и что их почти не осталось. Но кто их прислал — оставалось загадкой. Старик смотрел на него выжидающе, и Диром понял, что больше он ничего не скажет. Не потому, что не знает — потому, что не хочет. Или боится.

— Спасибо, — сказал он, убирая монету в мешок.

— Если передумаете продавать — приходите, — крикнул старик ему вслед, когда Диром уже взялся за дверную ручку. — Я буду ждать. Всегда жду.

Диром вышел на улицу. Солнце уже поднялось высоко, и город купался в его лучах — серый, шумный, живой. Рыбаки тащили сети, торговцы раскладывали товар, дети бежали в школу. Обычный день в Ихте. Никто не знал, что в кармане у прохожего лежат монеты, которым семьсот пятьдесят лет. Никто не знал о письме. Никто не знал о загадочной друидской общине.

Диром шёл по улицам, не разбирая дороги. Ноги сами несли его обратно к замку — отчёт перед таном, новые указания, возможно, новый след. Но он не дошёл.

Тёмный переулок, в который он свернул, чтобы сократить путь, был узким, грязным, с мусорными баками и вонючими лужами. Стены домов здесь смыкались почти вплотную, и даже в полдень здесь царил полумрак — густой, маслянистый, почти осязаемый. Воздух был спёртым, тяжёлым, и пахло здесь не так, как на главных улицах. Здесь пахло мочой, прелыми тряпками и чем-то ещё — сладковатым, приторным, отвратительным. Запахом разложения. Крысы шуршали в мусорных баках, и их красные глаза сверкали в темноте, как маленькие угольки.

Диром не любил такие места — слишком много теней, слишком много мест для засады. Но он спешил и надеялся пройти быстро.

Он почти миновал переулок, когда из тени выступила фигура.

Человек — если его можно было назвать человеком — появился из-за груды ящиков, сложенных у стены. Он был невысоким, коренастым, с бычьей шеей и руками, которые, казалось, могли гнуть подковы. Его лицо, покрытое шрамами и щетиной, было грубым, почти звериным — широкие скулы, приплюснутый нос, маленькие, глубоко посаженные глаза. Одет он был в потрёпанную кожаную куртку, засаленную на локтях и груди, штаны, заправленные в высокие сапоги с железными набойками, которые стучали по камню при каждом шаге. На поясе у него висела булава — ржавая, но, судя по размеру, смертоносная. Её рукоять была обмотана потёртой кожей, и на ней темнели пятна — возможно, кровь.

Он вышел на середину переулочка и замер, перегораживая дорогу. Его поза была расслабленной, почти ленивой — как у человека, который уверен в своей силе и не сомневается в исходе встречи.

— Не лезь в чужие дела, — сказал он, и голос его, хриплый и низкий, прозвучал в тишине переулочка как удар камня. — Иначе будет хуже.

Диром остановился. Он не испугался — он вообще редко боялся. Но в словах этого человека было что-то, что заставило его напрячься. Не угроза — угрозами его было не запугать. А тон. Тон уверенности. Тон человека, который знает, что говорит, и не сомневается в своей правоте.

— Ты уверен в своих словах? — спокойно спросил Диром.

Человек усмехнулся — зло, криво, обнажив гнилые зубы. Его улыбка была похожа на оскал хищника, готового к прыжку.

— Если ты не хочешь услышать, — сказал он, — то я объясню тебе силой.

Он выхватил булаву — быстро, но не слишком — и, не тратя времени на предупреждения, обрушил её на ногу Диром. Удар был сильным, точным, и ржавое железо впилося в бедро, разрывая кожу, мышцы, задевая кость. Боль была мгновенной, острой, всепоглощающей — такой, что мир перед глазами померк, а в ушах зазвенело. Диром взвыл — не от страха, а от неожиданности и от того, что боль была настоящей, живой, как огонь, пожирающий плоть.

Он не упал. Он устоял. И в ту же секунду его рука взметнулась, и фиолетовая стихия, сконцентрированная в кулаке, ударила обидчика в грудь. Волна сжатого воздуха, усиленная магией, была такой силы, что тело человека разорвало на части — кровавое месиво, которое отлетело к стене и рухнуло на землю, забрызгав камни кровью и ошмётками плоти. Кровь была тёплой, липкой, и её брызги попали Дирому на лицо.

Диром зашипел, прикусив губу, и опустил на одно колено. Боль в ноге была невыносимой — булава, оставшаяся торчать из раны, казалось, горела огнём. Он стиснул зубы так, что хрустнула челюсть, сжал бедро рукой и, сосредоточившись, направил фиолетовую энергию в рану. Стихия не исцеляла — она притупляла боль, блокировала нервные окончания, позволяя думать и действовать, несмотря на повреждение. Этого было достаточно. По крайней мере, чтобы добраться до замка.

Он поднялся, опираясь на стену — холодную, шершавую, покрытую мхом и плесенью, — и, шатаясь, подошёл к тому, что осталось от нападавшего. Тела, как такового, не было. Были только куски — руки, ноги, ошмётки кожи, разбросанные по переулку, как игрушки нерадивого ребёнка. Туловище, разорванное пополам, лежало у самой стены, и из него всё ещё сочилась кровь, смешиваясь с грязью и мусором.

Диром перешагнул через лужу, наклонился и обыскал останки. В кармане куртки — левом, внутреннем, — он нашёл бумагу.

Она была такой же, как та, что дал ему трактирщик, — тонкой, дорогой, из того же пергамента. Пропитанная кровью, она потемнела по краям, но текст, написанный тем же каллиграфическим почерком, что и в письме, можно было прочесть. Буквы были чёткими, изящными, с завитушками — явно рука образованного человека, привыкшего держать перо.

«Сэм, — говорилось в записке. — Тебе нужно в Ихт. Там ты найдёшь странного широкоплечего тёмного эльфа. Его рост почти два метра, а на поясе у него меч с фиолетовым кристаллом. Проще говоря, его ты ни с кем не спутаешь. Тебе нужно объяснить ему, чтобы не лез в дела Друидской общины. Можно применять насилие, а если придётся — можно и убить. Мы верим в тебя. С уважением — Е.»

Диром перечитал записку дважды. Потом спрятал её в карман, рядом с письмом и монетами.

«Друидская община? — подумал он, и в его голове зашевелились смутные, тревожные догадки. — Что это? Кто это? И кто такой Е?»

Ответов не было. Только боль в ноге, только запах крови и гниющего мусора, и где-то вдалеке — крики чаек, круживших над портом. Он поднял голову: стены переулка смыкались над ним, как челюсти капкана. В вышине, между крышами, виднелась полоска неба — серого, равнодушного.

Он вышел из переулкa и зашагал к замку.

Каждый шаг давался с трудом. Нога ныла, пульсировала, и даже фиолетовая стихия, при-
туплявшая боль, не могла заглушить её полностью. Дирому казалось, что он идёт по раскалён-
ным углям. Пот заливал лицо, смешиваясь с кровью, которая всё ещё сочилась из раны, про-
питывая бинты, штаны, сапог. Он шёл, опираясь на стену, и прохожие шарахались от него в
стороны — окровавленный, бледный, с рваной раной на бедре и горящими фиолетовым светом
глазами, он был похож на призрака, восставшего из могилы.

Кто-то пытался помочь, но Диром отмахивался. Кто-то звал стражу, но он не останавли-
вался. Он должен был дойти. Должен был доложить тану. Должен был понять, что происходит.

Замок тана показался через полчаса — огромный, чёрный, возвышающийся на скале.
Его стены, сложенные из базальта, блестели после утренней росы, и капли воды, застрявшие
в трещинах, переливались всеми цветами радуги. Но Диром не замечал красоты. Он видел
только ступени — бесконечные, крутые ступени, которые предстояло преодолеть.

Стража у ворот, увидев его, ахнула. Двое тёмных эльфов в лёгких доспехах бросились к
нему, подхватили под руки, помогли дойти до входа. Диром не сопротивлялся. Он был слиш-
ком измотан, чтобы спорить.

— Доложите тану, — сказал он, и голос его был хриплым, чужим. — Я должен его видеть.

Тан ждал его в кабинете. Мал'гадор поднялся из-за стола, когда Диром, опираясь на плечо
стражника, вошёл внутрь. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало тревогу — глу-
бокие складки пролегли у губ и на лбу, а в глазах, тёмных и внимательных, зажёгся огонь.

— Что случилось? — спросил он, подходя ближе.

— Меня ждали, — ответил Диром, опускаясь в кресло. Он достал из кармана записку и
протянул тану. — Это было при нём.

Мал'гадор прочитал записку. Его брови поползли вверх.

— Друидская община? — переспросил он. — Что это? Я никогда не слышал о такой.

— Я тоже, — ответил Диром. — Но тот, кто послал этого человека, знает меня. Знает,
как я выгляжу, где меня можно найти. И он хочет, чтобы я не лез в их дела.

— Ты уже влез, — заметил Мал'гадор.

— Влез, — согласился Диром. — И я не собираюсь останавливаться.

Тан долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Сначала рану обработать, — сказал Мал'гадор, подходя к двери. — Проводите госпо-
дина Диром в его покои. И позовите целительниц.

Он хлопнул в ладоши, и в дверях появилась служанка — молодая тёмная эльфийка в
простом сером платье, с длинными чёрными волосами, забранными в хвост. Тан отдал корот-
кий приказ, и она кивнула, жестом приглашая Диром следовать за ней.

Диром поднялся. Нога ныла, но он заставил себя идти — медленно, опираясь на стену.
Служанка поддерживала его под локоть, и от неё пахло лавандой и свежим хлебом. Они про-
шли по длинному коридору, миновали ещё одну лестницу и оказались перед тяжёлой дубовой
дверью. Служанка толкнула её, и Диром вошёл в свои покои.

Здесь было проще, чем в кабинете тана — каменные стены, узкое стрельчатое окно, выхо-
дившее на внутренний двор, широкая кровать под балдахин, массивный стол, заваленный
книгами, и сундук в углу. Но воздух был свежим, а на столе горела масляная лампа, отбрасы-
вая тёплый, уютный свет.

Диром опустился на кровать, вытянув раненую ногу. Служанка вышла и через несколько
минут вернулась в сопровождении двух других девушек. Они несли тазы с горячей водой,
чистые тряпки, мази в глиняных горшочках и бинты, нарезанные из тонкого льна. Все трое
были молоды, но в их движениях чувствовалась уверенность и опыт.

— Простите, господин, — сказала старшая из них, та, что несла тазик. — Сейчас мы всё
сделаем. Потерпите.

Диром стянул штаны, открывая рану. Булава всё ещё торчала из бедра — ржавое железо, обмотанное грязной кожей. При виде её девушки побледнели, но не отступили. Одна из них — самая юная, с большими испуганными глазами — зажала рот рукой, но тут же взяла себя в руки.

— Держите его, — сказала старшая, и двое помощниц встали по бокам, придерживая Диром за плечи.

Она схватилась за булаву, зажмурилась на мгновение — и резко выдернула её. Диром зашипел, стиснул зубы, но не издал ни звука. Кровь хлынула сильнее, заливая простыни, но девушки не растерялись. Они засуетились, зажимая рану тряпками, промывая её горячей водой, накладывая густую, тёмно-зелёную мазь, пахнувшую дёгтем и мёдом. Пальцы их двигались быстро и ловко, и вскоре рана была зашита, перевязана, а нога Диром — туго замотана льняными бинтами.

— Благодарю, — сказал он, когда девушки закончили.

Две из них поклонились и вышли, унося с собой окровавленные тряпки и тазики. Третья осталась.

Она была самой молодой — лет восьмидесяти по эльфийским меркам, что соответствовало человеческим семнадцати-восемнадцати. Её лицо было тонким, с острыми скулами и большими, тёмными глазами, в которых отражался свет масляной лампы. Волосы, заплетённые в тугую косу, спускались почти до пояса. Она стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу, и тербила край своего передника.

— Что-то не так? — спросил Диром.

Девушка шагнула ближе. Её голос, когда она заговорила, был тихим, но чистым, как горный ручей, и в нём слышалась робость, смешанная с заботой.

— Я... я хотела попросить вас, господин, — сказала она, и в её глазах мелькнула тревога. — Будьте осторожнее. Такие раны... они могут не зажить. Если их запустить.

— Я буду осторожен, — ответил Диром.

— Обещаете?

— Обещаю.

Девушка улыбнулась — робко, благодарно, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти детское. Потом она поклонилась и вышла, бесшумно притворив за собой дверь.

Диром остался один. Он сидел в кресле, глядя на забинтованную ногу, и думал. О письме. О монетах. О Друидской общине. О таинственном «Е». О человеке, который попытался его убить — или, по крайней мере, остановить. О том, как легко и быстро его нашли.

«Они знают, кто я, — думал он, и эта мысль холодом разлилась по спине. — Знают, где я живу, как выгляжу, чем занимаюсь. Но я не знаю их. И это делает их опасными. Очень опасными».

Он потянулся к карману, достал письмо и перечитал его снова. Друидская община. Семьсот пятьдесят лет. Переплавленные монеты. Загадочный отправитель. Всё это сплеталось в один тугой узел, который он пока не мог развязать.

Вопросов было больше, чем ответов. Но одно Диром знал точно: он не отступит. Он найдёт тех, кто стоит за этим письмом. Он узнает, что такое друидская община. И он заставит их ответить за нападение.

Но не сегодня. Сегодня он был слишком слаб. Нога болела — тупой, ноющей болью, которая пульсировала в такт сердцу. Голова кружилась, и даже фиолетовая стихия, всегда готовая прийти на помощь, казалось, устала и требовала отдыха.

Диром откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В комнате было тихо — только потрескивали магические кристаллы под потолком да где-то в коридоре перекликались стражники. За окном, в городе, шумела жизнь — люди спешили по делам, дети бежали в школы, торговцы

спорили о ценах. А он сидел здесь, в этом каменном мешке, и ждал. Ждал, когда боль утихнет. Ждал, когда сможет снова идти. Ждал завтрашнего дня.

Новый враг. Новая загадка. Новая цель.

И он был готов к ней.

Глава 4: Змея в траве

Хотхил просыпался медленно, как старый, уставший зверь, который давно уже не верил в то, что день принесёт что-то хорошее, но всё же открывал глаза, потому что другого выхода не было.

Столица Элфтенхолда была прекрасна — в этом не могло быть сомнений. Город-сад, где дома вырастали из живых деревьев, а улицы были вымощены белым камнем, встречал утро тем особенным, ни с чем не сравнимым сиянием, которое бывает только в эльфийских землях, когда первые лучи солнца пробиваются сквозь густые кроны и рассыпаются по мозаичным площадям тысячами золотых зайчиков. Воздух здесь был чистым, прозрачным, напоённым ароматами цветущих лиан, меда и чего-то ещё — древнего, неуловимого, что обитает только в местах, где время течёт иначе.

Но за этой красотой скрывалась усталость.

Хотхил был уставшим городом. Уставшим от войны, которая недавно стихла, но оставила после себя шрамы — не только на стенах, но и в душах. Уставшим от интриг, которые плелись в каждом переулке, в каждой таверне, в каждом доме. Уставшим от сплетен, слухов и страха — того самого, липкого, холодного страха, который заставляет эльфов запирать двери на засовы даже днём и вздрагивать от каждого стука.

Улицы ещё спали. Редкие прохожие — слуги, спешившие на рынок за свежим хлебом, стражники, сменившиеся с ночного дежурства, да парочка монахов в серых рясах, направлявшихся к утренней молитве, — двигались бесшумно, как тени, стараясь не привлекать внимания. Торговцы ещё не открыли лавки, фонтаны ещё не забили, и только птицы, гнездившиеся в кронах, оглашали окрестности своими трелями — радостными, беззаботными, не знающими о том, что творится внизу.

А внизу, в самом сердце города, на холме, возвышался дворец.

Он был величественным — нет, больше чем величественным. Он был монументальным, подавляющим, как сама история эльфийского народа. Стены из белого камня, увитые плющом и диким виноградом, уходили ввысь, теряясь в утреннем тумане. Башни, украшенные резьбой, изображавшей сцены из древних легенд, устремлялись к небу, как пальцы, молящие о пощаде. Витражные окна, ещё тёмные в этот ранний час, обещали к полудню засиять всеми цветами радуги. А над главным входом, на массивном фронтоне, был высечен герб дома Экри — олений рог, обвитый плющом, — тот самый, который знал каждый житель Элфтенхолда от мала до велика.

Внутри дворца царила тишина — не та, мирная, что бывает в домах, где все ещё спят, а другая, напряжённая, как тетива лука перед выстрелом. Слуги двигались бесшумно, ступая на носках, стараясь не скрипеть половицами. Стражники замирали у дверей, и их лица, скрытые глубокими капюшонами, были непроницаемы. Даже воздух здесь казался тяжёлым, пропитанным запахом воска, старых ковров и чего-то ещё — может быть, страха.

Король Патринар Экри уже не спал.

Он сидел в своём кабинете — небольшой, скромно обставленной комнате на втором этаже, куда не допускались посторонние. Здесь не было ни золота, ни драгоценных камней, ни вычурных украшений. Только стены из тёмного дерева, узкое стрельчатое окно, выходившее на внутренний двор, массивный письменный стол, заваленный свитками, и кресло с высокой спинкой, в котором король проводил большую часть своих дней.

Патринар был стар. Не просто стар — древен. Он помнил те времена, когда лесные и тёмные эльфы ещё не разделились. Когда они называли друг друга «куна-вел'ан» — дети одной

сумеречной зари. Когда они вместе сражались против людей, пришедших на их землю с мечом и огнём. Лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало потрескавшуюся кору древнего дуба, а взгляд — взгляд человека, который слишком долго нёс бремя власти.

Но несмотря на возраст, Патринар не сдавался. Он работал — каждый день, каждую минуту. Свитки, приносимые гонцами со всех концов Элфтенхолда, громоздились на столе, как снежные сугробы, и каждый из них требовал внимания. Налоги, жалобы, донесения разведчиков, прошения о помиловании, отчёты казначеев, списки военных потерь — всё это ложилось на его плечи, и он нёс этот груз с достоинством, хотя иногда казалось, что силы вот-вот оставят его.

Сегодня он разбирал донесения из северных провинций. Там, у границы с Нордлендом, снова активизировались банды, поднявшие герб Патри Экри — того самого, его младшего сына, который едва не уничтожил всё, во что Патринар верил. Сторонники безумного принца не сдавались. Они грабили караваны, жгли деревни, убивали невинных. И король, старый, уставший, почти раздавленный грузом ответственности, должен был решать, как с ними бороться.

Он провёл пальцами по пергаменту, перечитал последние строки и тяжело вздохнул. Глаза слезились — от напряжения, от возраста, от бессонных ночей. Он потёр их тыльной стороной ладони, поставил свежую печать на документе и отложил его в сторону.

— Ваше Величество, — раздался тихий голос из-за двери. — Господин Патрир просит аудиенции.

— Войдите, — ответил король, выпрямляясь в кресле.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл его старший сын.

Патрир был полной противоположностью отца. Высокий, широкоплечий, с лицом, обветренным ветрами сражений, и единственным глазом — второй, правый, был скрыт чёрной кожаной повязкой, — он излучал ту особую, хищную силу, которая бывает только у тех, кто привык брать своё мечом, а не словами. Его волосы, тёмно-каштановые, с заметной проседью на висках, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и строгие черты. Борода, густая и ухоженная, с серебристыми нитями седины, придавала ему вид опытного ветерана. Одет он был не в придворный костюм, а в походную одежду — зелёный дублет с кожаными вставками, высокие сапоги, широкий пояс с тяжёлой пряжкой. На боку висел меч — не парадный, а боевой, с потёртой рукоятью и следами зазубрин на лезвии.

— Отец, — сказал он, и голос его был низким, хрипловатым — голосом человека, который много отдавал приказов и ещё больше рубился в бою. — Вы опять не спали.

— Спал, — солгал Патринар, и они оба знали, что это ложь.

— Я пришёл доложить о состоянии армии, — продолжил Патрир, не комментируя. Он подошёл к столу, развернул карту, которую принёс с собой, и положил её поверх свитков. — Северные рубежи укреплены. Новые гарнизоны выставлены в Эл'Амариле и на перевалах. Империя пока не проявляет активности, но наши разведчики сообщают о передвижениях их кораблей у южного побережья. Готовиться нужно к худшему.

— К худшему мы готовимся уже девять лет, — устало заметил Патринар. — С тех пор, как ты вернулся с войны без глаза.

— И с тех пор мы живы, — жёстко ответил Патрир. — Потому что я готовлюсь к худшему, а не надеюсь на лучшее.

Отец и сын посмотрели друг на друга. В их взглядах не было вражды — было непонимание. Патринар, король-мироходец, до сих пор верил, что любую проблему можно решить словами, а не сталью. Патрир, воин, знал: слова хороши только тогда, когда за ними стоит сила.

— Что с югом? — спросил король, отводя глаза.

— Юг — это проблема не сегодняшнего дня, — ответил Патрир. — Сегодня я занимаюсь армией. Завтра — тем же. И послезавтра. У нас нет лишних рук, отец. Люди устали от войны, и я их понимаю. Но если мы сейчас расслабимся, завтра нас сметут.

— Ты всегда был пессимистом, — Патринар усмехнулся — невесело, скорее горько.

— Я реалист, — поправил сын. — Реалист, который видел, как умирают его солдаты. Реалист, который потерял глаз. Реалист, который не хочет, чтобы его народ повторил их судьбу. Он помолчал, свернул карту и убрал её в поясную сумку.

— Я ещё вернусь. Сегодня вечером у меня учения с новобранцами. Нужно подтянуть дисциплину.

— Иди, — кивнул Патринар. — И будь осторожен.

— Всегда, — ответил сын и вышел.

Дверь за ним закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

Патринар остался один. Он посидел ещё немного, глядя в одну точку, потом тяжело поднялся, подошёл к окну. Внизу, во внутреннем дворе, сустились слуги, кто-то тащил ящики, кто-то чистил конскую сбрую. Обычная, будничная жизнь. Жизнь, которую он должен был защищать.

«Семена взошли», — вспомнил он слова умирающего Патри, переданные Диромом. — «Рано или поздно они взойдут».

Они взошли. И теперь Патринар, старый, уставший король, должен был сделать всё, чтобы они не проросли.

Пока король разбирал донесения, а его сын командовал армией, в восточном крыле дворца, в покоях, отведённых для невестки короля, царила совсем иная атмосфера.

Нириэль Экри, урождённая тёмная эльфийка из Кармнилы, только что проснулась. Она лежала в огромной кровати под балдахином из расшитого золотом шёлка, и её длинные чёрные волосы разметались по подушке, как вороновы крылья. Комната была роскошной — стены обиты тёмно-бордовым бархатом, пол устилали толстые ковры из шерсти горных баранов, а на столике у кровати стояла ваза со свежими цветами, которые меняли каждое утро. Служанки, три молодые тёмные эльфийки в серых платьях, сустились вокруг, подавая ей завтрак, поправляя покрывало, подливая воду в кувшин для умывания.

Нириэль была красива. Не той холодной, статуарной красотой, которая бывает у аристократок, привыкших к поклонению, а другой — живой, тёплой, почти домашней. Её лицо, с высокими скулами и большими, тёмными глазами, казалось созданным для улыбок, и она улыбалась — служанкам, придворным, даже случайным прохожим, которых встречала в коридорах. В её голосе, когда она раздавала распоряжения, слышалась мягкость, почти материнская забота. Она запоминала имена слуг, интересовалась их здоровьем, дарила маленькие подарки — кому платок, кому монетку, кому просто доброе слово.

Все вокруг считали её ангелом.

— Госпожа, — сказала старшая служанка, низко кланяясь, — прибыл посыльный от гильдии ткачей. Они благодарят за вчерашнее пожертвование и просят передать, что ткани уже отправили в детский приют.

— Передайте им мою благодарность, — мягко ответила Нириэль, поправляя кружево на ночной рубашке. — И скажите, что я буду рада посетить их мастерскую на следующей неделе. Хочу посмотреть, как работают дети.

— Слушаюсь, госпожа.

Служанка вышла, и Нириэль на мгновение осталась одна. Улыбка сошла с её лица — медленно, как тает снег под весенним солнцем, — и на мгновение в её глаза мелькнуло что-то холодное, расчётливое, почти хищное. Но это длилось не дольше удара сердца. Когда дверь открылась снова, она уже снова сияла.

Вошел шут.

Его звали Сандор. Он был высок, худощав, с острым, насмешливым лицом и длинными, сальными волосами, собранными в хвост. Одежда его была яркой, даже вызывающей — камзол из золотистой парчи, расшитый бубенцами, колпак с ослиными ушами, туфли с загнутыми носами. На поясе висела маленькая дудочка, которой он иногда наигрывал незатейливые мелодии, заставляя придворных улыбаться.

Но глаза у него были умными. Слишком умными для шута.

— Ваше Высочество, — он отвесил шутовской поклон, и бубенцы на его колпаке жалобно звякнули. — Чем обязаны столь раннему пробуждению? Или вы не спали? Или спали, но недостаточно? Или...

— Хватит, Сандор, — перебила Нириэль, и в её голосе не было привычной мягкости. — Закрой дверь.

Шут подскочил к двери, задвинул засов и, повернувшись, посмотрел на неё. Его лицо изменилось — исчезла дурашливая гримаса, исчезла наигранная весёлость. Осталось только то, что было под маской: холодный, расчётливый ум.

— Все ушли? — спросил он, подходя ближе.

— Все, — ответила Нириэль, откидывая одеяло и вставая. На ней была всё та же кружевная рубашка, и кружево просвечивало, открывая очертания её тела. Сандор не отвёл взгляд. Она не попросила его отвернуться. — Садись.

Он сел в кресло у кровати, и его поза стала расслабленной — но не той, что бывает у человека, который чувствует себя в безопасности, а той, что бывает у хищника, затаившегося перед прыжком.

— Ты был в тронном зале вчера? — спросила Нириэль, прохаживаясь по комнате. — Видел старого короля?

— Видел, — кивнул Сандор. — Он выглядит усталым. Очень усталым.

— Он выглядит дряхлым, — поправила Нириэль. — Он выглядит так, будто вот-вот рассыплется. И это хорошо.

— Хорошо? — Шут приподнял бровь. — Для кого?

— Для нас, конечно, — она остановилась у окна, провела пальцем по стеклу. — Старый король мешает. Он ещё верит в какую-то справедливость, в какие-то идеалы. Он думает, что эльфы могут жить в мире. Что можно договориться. Что не нужно никого убивать. — Она усмехнулась, и в этой усмешке было столько презрения, что Сандор невольно поёжился. — Какой наивный дурак.

— Твой свёкор, — напомнил он.

— Мой свёкор, — согласилась Нириэль, поворачиваясь к нему. — И чем скорее он уйдёт, тем лучше. Для всех. Для Элфтенхолда. Для нас.

— И как ты планируешь его убрать? — Сандор подался вперёд. — Яд? Кинжал? Несчастный случай?

— Не сейчас, — покачала головой Нириэль. — Сейчас он нужен. Он — символ. Старый, мудрый король, который держит страну на плаву. Если он умрёт сейчас, начнутся волнения. Патрир не готов занять трон — он слишком занят своей армией, своими войнами, своей... честью. — Она произнесла это слово так, будто оно было ругательством. — Честь. Какая глупость.

— Твой муж — воин, — заметил Сандор. — Воины верят в честь.

— Мой муж — идиот, — отрезала Нириэль. — Он думает, что сила решает всё. Что мечом можно разрубить любой узел. Но мир устроен сложнее. В мире правят не мечи, а интриги. Не армии, а золото. Не герои, а те, кто умеет ждать.

— И ты умеешь ждать?

— Я училась этому всю жизнь, — она подошла к Сандору, остановилась напротив. — В Кармниле, среди торговцев грибами и шёлком, я поняла одну простую вещь: чтобы получить

власть, не нужно быть сильным. Нужно быть терпеливым. Нужно плести паутину, в которой запутаются даже самые осторожные. Нужно улыбаться тем, кого ненавидишь. Целовать руки тем, чьей смерти желаешь. И ждать. Ждать, когда придёт твой час.

— И твой час скоро придёт? — Сандор смотрел на неё снизу вверх, и в его глазах горел тот самый огонь, который она видела в зеркале каждое утро.

— Скоро, — она коснулась его щеки кончиками пальцев. — Старый король дряхлеет с каждым днём. Ещё немного — и он сам отдаст концы. А может, и не сам. Может, ему немного помогут. — Она усмехнулась. — Но это потом. Сначала — я стану королевой. По-настоящему. Не приставкой к мужу, а полновластной правительницей.

— А Патрир?

— А что Патрир? — Нириэль пожала плечами. — Патрир будет сидеть в своём кабинете, командовать армией, писать приказы. Он будет думать, что правит. А править буду я. Через него. А потом... — она сделала паузу, и её глаза, тёмные, глубокие, загорелись тем особенным, зловещим огнём, который бывает только у тех, кто не остановится ни перед чем. — Потом я избавлюсь и от него.

Сандор не удивился. Он, кажется, ждал этих слов.

— И кто же займёт трон после?

— Мы, — Нириэль наклонилась, и её губы оказались в дюйме от его уха. — Ты и я. Вместе. Мы будем править Элфтенхолдом. Не эти недалёкие, никчёмные Экри, которые думают только о своей дурацкой чести и своей дурацкой истории. А мы. Те, кто знает, как устроен мир на самом деле.

— А как он устроен? — прошептал Сандор.

— Как большая сделка, — ответила Нириэль, отстраняясь. — Ты мне — я тебе. Ты даёшь — ты получаешь. И не важно, какими средствами. Важен результат.

Она посмотрела на него — долгим, изучающим взглядом.

— Ты со мной?

— Всегда, — ответил Сандор, и в его голосе не было сомнений.

Она наклонилась и поцеловала его.

Поцелуй был страстным, долгим, полным того жара, который копился между ними не один день. Руки Сандора легли ей на талию, пальцы впились в кружево. Нириэль ответила — не нежно, не робко, а требовательно, властно, как и подобает той, кто привык брать своё.

Когда их губы разомкнулись, она тяжело дышала.

— Ты будешь моим королём, — сказала она. — Моим. Ничей больше.

— А ты — моей королевой, — ответил Сандор.

Они посмотрели друг на друга, и в их глазах отразилась одна и та же мысль: «Скоро. Скоро всё изменится».

За окном занимался новый день. Где-то в городе звонили колокола, созывая верующих на молитву. Где-то на плацу Патрир командовал новобранцами, и его голос, низкий и властный, разносился над рядами солдат. Где-то в своём кабинете старый король Патринар склонялся над очередным свитком, и его тень, длинная и тонкая, ложилась на каменный пол.

А здесь, в этой комнате, пахнувшей духами и тайной, двое заговорщиков строили планы на будущее. Будущее, в котором не было места Экри. Будущее, в котором править будут они.

Нириэль подошла к окну, отодвинула занавеску. Внизу, во внутреннем дворе, суетились слуги. Кто-то тащил ящики, кто-то чистил сбрую. Обычная, будничная жизнь. Жизнь, которую она ненавидела. Жизнь, которую она собиралась изменить.

— Скоро, — прошептала она, глядя на своё отражение в стекле. — Скоро.

Сандор встал, поправил колпак, и бубенцы на нём снова жалобно звякнули. Его лицо снова стало дурашливым, глаза — пустыми. Он снова был шутком. Никчёмным, смешным шутком, которого никто не принимал всерьёз.

— Ваше Высочество, — он отвесил шутовской поклон, — не желаете ли услышать свежую шутку? О короле, который потерял корону, но нашёл... смерть?

Нириэль улыбнулась — тонко, хищно.

— Расскажешь вечером, — сказала она. — Когда все уйдут.

— Как прикажете, госпожа, — ответил Сандор и, пятась, вышел из комнаты.

Дверь закрылась. Засов щёлкнул.

Нириэль осталась одна. Она подошла к кровати, села на край и посмотрела в потолок. Там, на лепнине, был изображён герб Экри — олений рог, обвитый плющом. Символ рода, который она собиралась уничтожить.

«Скоро, — подумала она снова. — Скоро я избавлюсь от этих недалёких, никчёмных Экри. От их дурацкой чести. От их дурацких идеалов. И тогда... тогда начнётся новая эра. Наша эра».

Она снова легла на кровать. Завтрашний день будет таким же, как сегодня. И послезавтра — тоже. Но когда-нибудь наступит завтра, который изменит всё.

И она будет к нему готова.

Глава 5: Игра в любовь

Утро в королевском дворце Хотхила началось с редкого события — Патрир Экри, наследник трона, командующий армией Элфтенхолда, человек, который не брал выходных даже после тяжёлых ранений, сегодня объявил себе отдых.

Слухи об этом разнеслись по коридорам с той же скоростью, с какой пламя охватывает сухую траву. Стражники перешёптывались, слуги замирали с подносами, придворные прятали удивление за масками почтительного безразличия. Сам Патрир, облачённый не в военную форму, а в простой, но дорогой камзол тёмно-зелёного цвета с серебряной вышивкой по вороту, стоял у окна в своих покоях и смотрел на сад, где ещё спали цветы, не успевшие раскрыться навстречу солнцу.

Он не помнил, когда последний раз позволял себе такой день. Год назад? Два? А может, и больше. Армия, границы, донесения, интриги — всё это заполняло его время, оставляя лишь крошечные промежутки для сна и еды. Но сегодня он проснулся с ощущением, что больше не может. Не может смотреть на карты, не может подписывать приказы, не может слушать доклады о новых стычках и старых проблемах. Его единственный глаз, уставший от бесконечных строчек, требовал отдыха. Его тело, закалённое в боях, но изношенное годами напряжённой работы, просило пощады.

И он сдался.

— Ты уверен, что не хочешь пойти на плац? — спросила Нириэль, выходя из-за ширмы, где переодевалась. На ней было лёгкое платье из тёмно-синего шёлка, перехваченное на талии тонким серебряным поясом. Волосы, забранные в высокую причёску, открывали изящную шею и плечи. В ушах покачивались серьги с сапфирами — подарок мужа на их первую годовщину.

— Уверен, — ответил Патрир, поворачиваясь к ней. Его взгляд скользнул по её фигуре, и на лице появилось выражение, которое она научилась распознавать с первого дня их брака — не восхищение, нет, скорее привычная удовлетворённость тем, что у него есть красивая жена. Для него это было частью порядка. Частью того, как должно быть. — Сегодня я хочу побыть с тобой.

Нириэль улыбнулась — той самой улыбкой, которую отрепетировала перед зеркалом сотни раз. Тёплой, немного застенчивой, с лёгким румянцем на щеках. Улыбкой женщины, которая счастлива, что муж наконец обратил на неё внимание.

«Как же ты мне омерзителен», — подумала она в тот же миг.

Патрир подошёл, взял её за руку. Его ладонь была грубой, с мозолями от рукояти меча. Пальцы — сильными, как стальные прутья. Он сжал её пальцы, и Нириэль почувствовала, как костяшки хрустнули. Она не подала виду.

— Куда пойдём? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал мягко и вкрадчиво.

— В сад, — ответил Патрир. — Давно там не был.

Они вышли из покоев и направились к лестнице, ведущей во внутренний двор. По пути им встречались слуги, которые почтительно кланялись, и стражники, замирающие у стен. Патрир не замечал их — он шёл, глядя прямо перед собой, и его мысли, казалось, были далеко. Нириэль шла рядом, чуть позади, как и подобает жене наследника, и её рука лежала на его локте — лёгкая, почти невесомая, но достаточно ощутимая, чтобы любой, кто смотрел на них, видел: они — пара. Они — вместе. Они — счастливы.

«Счастливы, — мысленно передразнила она кого-то из придворных сплетниц. — Счастливы, как удав и кролик».

Сад был прекрасен. Тысячи цветов, высаженных в строгом, геометрическом порядке, благоухали на утреннем солнце. Розы, лилии, пионы, какие-то экзотические растения, привезённые из далёкого Дезертстейта, — всё это было собрано здесь, в этом оазисе красоты, чтобы радовать глаз королевской семьи. Мраморные статуи, изображавшие древних героев, стояли на постаментах, и их каменные лица, казалось, смотрели на гуляющих с одобрением и снисхождением.

Патрир отпустил её руку и пошёл вперёд, к старой сосне, росшей в центре сада. Дерево было огромным, его ствол, покрытый мхом и лишайниками, помнил ещё короля Эл'тарина, правившего семьсот пятьдесят лет назад. Крона, раскидистая и густая, давала тень, под которой можно было укрыться от полуденного зноя. Патрир сел на скамью, стоявшую у корней, и жестом пригласил Нириэль присоединиться.

Она села рядом, оставив между ними небольшое расстояние — достаточно близко, чтобы казаться любящей женой, но достаточно далеко, чтобы не касаться его больше, чем необходимо.

— Помнишь, мы здесь в первый раз поцеловались? — спросил Патрир, глядя на крону. Нириэль подавила желание поморщиться.

«Первый раз, — подумала она. — Первый раз, когда я поняла, что жизнь моя кончена».

— Помню, — сказала она вслух, и её голос дрогнул — не от волнения, а от усилия, которое потребовалось, чтобы не закричать. — Ты был таким... неуклюжим.

— Я воин, а не поэт, — усмехнулся Патрир. — Неуклюжесть — моё второе имя.

«Твоё второе имя — идиот, — мысленно поправила она. — Третье — ничтожество. Четвёртое — урод».

Он повернулся к ней, и его единственный глаз, обычно такой холодный и сосредоточенный, сейчас был почти тёплым. Почти. Нириэль знала, что эта теплота — лишь отблеск её собственной игры. Он смотрел на неё, а видел ту, которую хотел видеть. Любящую жену. Верную спутницу. Мать его будущих детей.

Детей, которых никогда не будет.

— Ты сегодня особенно красива, — сказал он, и его рука легла на её колено.

Нириэль заставила себя не дёрнуться.

— Спасибо, — ответила она, и её пальцы накрыли его ладонь. — Ты сегодня тоже... отдохнувший.

«Отдохнувший, как скала, на которой растёт мох».

Они сидели так несколько минут. Патрир рассказывал о планах на армию, о новых укреплениях на границе, о том, что имперцы активизировались на севере и нужно готовиться к худшему. Нириэль слушала, кивала, иногда задавала вопросы — умные, глубокие, показывающие, что она вникает в дела мужа. На самом деле ей было плевать. Ей было плевать на армию, на границу, на имперцев. Ей было плевать на Элфтенхолд. Ей было плевать на всё, кроме власти. Кроме мести. Кроме того дня, когда она сядет на трон, а этот ублюдок, её муж, будет гнить в земле.

«Когда ты умрёшь, — думала она, глядя, как шевелятся его губы, — я прикажу вырыть твою могилу и засыпать её дерьмом. А сверху поставлю памятник — осла с отрубленной головой».

— Ты меня слушаешь? — спросил Патрир, заметив, что её взгляд стал стеклянным.

— Конечно, дорогой, — ответила она, возвращая себе улыбку. — Ты говорил об укреплении северных рубежей. Я считаю, что это разумно. Особенно если учесть, что имперцы...

Она продолжила его мысль, подхватив нить разговора, и Патрир, довольный, кивнул. Он любил, когда жена интересовалась его делами. Это делало их брак... правильным. Упорядоченным.

После сада они пошли в оружейную комнату. Патрир хотел показать ей новый меч, который ему на заказ выковали гномы мастера. Оружие было прекрасным — длинное, прямое, с клинком из дамасской стали, переливавшимся на свету всеми оттенками серого и синего. Рукоять, обмотанная кожей ската, лежала в руке как влитая. Патрир взял меч, взвесил его, сделал несколько пробных выпадов.

— Хорош, — сказал он с удовлетворением. — Лучше моего старого.

— Он прекрасен, — ответила Нириэль, касаясь лезвия кончиком пальца. — Таким мечом можно убить кого угодно.

«Например, тебя», — добавила она про себя.

Патрир не заметил двусмысленности. Он убрал меч в ножны и повесил его на стену.

— Подарок отца, — сказал он. — К годовщине свадьбы.

— Патринар щедр, — Нириэль изобразила благодарность. — Я передам ему свою признательность.

«Передам, когда он будет при смерти. Или уже мёртв. Или когда я сама воткну ему нож в глотку».

Они позавтракали в малой столовой — вдвоём, без слуг. Нириэль накрыла на стол сама, отказавшись от помощи. Это был жест, который Патрир оценил — жена заботится о нём, хочет сделать приятное. На самом деле она просто не хотела, чтобы кто-то видел, как ей приходится есть с этим чудовищем.

Завтрак был простым: сыр, фрукты, хлеб, вино. Патрир ел с аппетитом, не обращая внимания на то, как она едва притрагивается к еде. Он говорил о политике, о войне, о том, что отец слишком мягок с мятежниками. Нириэль кивала, поддакивала, иногда возражала — достаточно, чтобы казаться умной, но не настолько, чтобы спорить.

— Ты права, — сказал он после того, как она заметила, что казни не всегда решают проблемы. — Нужно действовать тоньше. Как ты.

«Точно, — подумала она. — Как я. Тонко, незаметно, смертельно».

После завтрака они отправились в конюшню. Патрир хотел показать ей нового жеребца — подарок от тана Ундерспайра. Конь был огромным, чёрным, с раздувающимися ноздрями и глазами, в которых горел дикий огонь. Патрир, не боясь, подошёл к нему, потрепал по холке. Жеребец не лягнулся. Он признал в нём хозяина.

— Сильный, — сказал Патрир. — Как я.

«Как осёл, — подумала Нириэль. — Упрямый, тупой, но сильный».

Она улыбнулась, погладила коня по морде, и тот, к её удивлению, не отшатнулся.

— Он тебя принял, — заметил Патрир с одобрением. — Звери чувствуют добро.

«Если бы они чувствовали добро, они бы разорвали тебя на части», — мысленно ответила она.

Они гуляли до полудня. Патрир показывал ей казармы, тренировочные плацы, оружейные склады. Он был в своей стихии — среди солдат, оружия, дисциплины. Нириэль шла за ним, как тень, и её лицо не выражало ничего, кроме восхищения.

«Как же я устала притворяться», — думала она, глядя, как он раздаёт приказы, проверяет снаряжение, советуется с офицерами. — «Как же я хочу, чтобы этот день кончился».

Но день не кончался. Он тянулся, как резина, как бесконечная, мучительная пытка, как жизнь с этим чудовищем.

К вечеру они вернулись во дворец. Патрир, уставший, но довольный, отправился в ванную, а Нириэль сказала, что хочет немного отдохнуть перед ужином. Она поднялась в свои покои, закрыла дверь и, наконец, позволила себе выдохнуть.

— Госпожа? — раздался голос из-за ширмы.

— Выходи, Сандор, — ответила она, опускаясь в кресло.

Шут вышел из тени. Его лицо было серьёзным, глаза — внимательными. Он подошёл к ней, встал на колени и взял её руки в свои.

— Ну как? — спросил он тихо.

— Отвратительно, — ответила Нириэль, и в её голосе зазвенела ярость, которую она сдерживала весь день. — Он весь день таскал меня по казармам, показывал свои игрушки, говорил о войне. Я чуть не закричала.

— Ты была великолепна, — сказал Сандор, целуя её пальцы. — Я смотрел из окна. Никто бы не догадался.

— Никто никогда не догадается, — горько усмехнулась Нириэль. — Я слишком хорошо играю свою роль.

Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза. Сандор молча ждал, глядя её руки.

— Знаешь, что он сказал сегодня? — спросила она, не открывая глаз. — Он сказал, что хочет детей. Что пора уже подумать о наследниках.

— Что ты ответила?

— Что я согласна, — она открыла глаза, и в них горела ненависть. — Что я хочу этого так же, как он. Что рожать ему детей — моё счастье.

— Ты умеешь лгать, — тихо сказал Сандор.

— Я учусь у лучших, — ответила она, сжимая его пальцы. — У тебя.

Он усмехнулся — той особой, понимающей усмешкой, которая была только между ними.

— Он дебил, — сказала Нириэль, и в её голосе прорвалось всё то, что она копила годами. — Он тупой, самодовольный, никчёмный дебил, который думает, что сила решает всё. Что мечом можно разрубить любой узел. Что армия — это главное. Что честь — это не пустой звук.

— А что есть главное? — спросил Сандор, хотя знал ответ.

— Власть, — ответила Нириэль. — Только власть. И те, кто умеет её брать. А он — не умеет. Он только умеет размахивать мечом и отдавать приказы. Но настоящая власть — в тени. В интригах. В том, чтобы плести паутину, в которой запутаются даже самые сильные. Он этого не понимает. Он никогда не поймёт.

Она встала, подошла к окну. Внизу, во внутреннем дворе, Патрир что-то обсуждал с офицерами. Его фигура, высокая и прямая, выделялась среди других.

— Посмотри на него, — сказала она, не оборачиваясь. — Он думает, что он — центр мира. Что без него всё рухнет. А на самом деле без него мир станет только лучше. Чище. Свободнее.

— Скоро, — прошептал Сандор, подходя к ней сзади и обнимая за талию. — Скоро всё изменится.

— Я не могу больше ждать, — Нириэль повернулась к нему, и её глаза, тёмные, глубокие, горели тем особенным, зловещим огнём, который бывает только у тех, кто готов на всё. — Каждый день с ним — это пытка. Каждое утро, когда я просыпаюсь рядом с ним, я хочу закричать. Каждую ночь, когда он прикасается ко мне, я хочу содрать с себя кожу.

— Я знаю, — Сандор прижал её к себе. — Я знаю. Но ты сильная. Ты выдержишь. Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

— Он говорил о детях, — повторила она, уткнувшись лицом ему в грудь. — Представляешь? Детях. От него. Он хочет, чтобы я родила ему маленьких копий. Таких же тупых, таких же самодовольных, таких же никчёмных.

— Этого не случится, — твёрдо сказал Сандор. — Я не позволю.

— Знаю, — она подняла голову, посмотрела на него. — Потому что ты — единственный, кто меня понимает. Единственный, кто видит меня настоящую. Единственный, кого я люблю.

Она поцеловала его — долгим, страстным поцелуем, в котором было всё: и боль, и надежда, и ненависть, и любовь. Сандор ответил, прижимая её к себе так крепко, как только мог.

Когда они отстранились, Нириэль тяжело дышала.

— Мне пора, — сказала она, поправляя платье. — Он ждёт меня к ужину.

— Иди, — кивнул Сандор. — Я буду здесь. Всегда.

Она вышла из комнаты, и её лицо снова стало маской. Доброй, заботливой, любящей женой. Те, кто встречался ей по пути, видели только это. Никто не догадывался, что творится у неё в душе.

Ужин прошёл как обычно. Патрир ел, пил, говорил о политике. Нириэль слушала, кивала, улыбалась. Она была идеальной женой. Идеальной. Как кукла. Как механизм.

— Ты сегодня молчалива, — заметил Патрир, когда они закончили ужин.

— Устала, — ответила она, положив голову ему на плечо. — Долгий день.

— Отдохнём, — сказал он, погладив её по волосам.

Они поднялись в спальню. Патрир, уставший, быстро разделся и лёг в постель. Нириэль легла рядом, чувствуя, как его тело, тяжёлое, горячее, прижимается к ней. Она закрыла глаза и представила, что это Сандор. Что это его руки обнимают её. Что это его дыхание шевелит её волосы.

— Я люблю тебя, — прошептал Патрир, уже засыпая.

— И я тебя, — ответила Нириэль, и в её голосе не было фальши. Потому что она говорила это не ему. Она говорила это тому, кто был в её мыслях. Тому, кто ждал её в тени.

Патрир заснул. Нириэль лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, и ждала. Ждала, когда он отключится окончательно. Ждала, когда можно будет встать, подойти к окну и посмотреть на звёзды. Ждала, когда наступит завтра, который, возможно, изменит всё.

Но сегодня — только темнота, только тишина и только мерное дыхание человека, которого она ненавидела больше жизни.

Завтрашний день будет таким же, как сегодня. И послезавтра — тоже. Но когда-нибудь наступит завтра, который изменит всё.

И она будет к нему готова.

Глава 6: Крах иллюзий

Утро в покоях Нириэль началось с блаженной тишины.

Она проснулась не от грубого окрика Патрира, не от лязга его меча, который он имел привычку проверять прямо в спальне, и не от его тяжелой поступи, сотрясающей половицы. Она проснулась сама — медленно, сладко, как кошка, вытянувшаяся на солнце. За окном щебетали птицы, лучи утреннего солнца пробивались сквозь кружевные занавески и ложились золотыми полосами на пуховое одеяло. Воздух был свежим, напоённым ароматами цветущего сада, и Нириэль, вдохнув полной грудью, почувствовала себя почти счастливой.

Почти.

Потому что счастье без власти — это всего лишь иллюзия. А она, Нириэль, не создана для иллюзий.

Она приподнялась на локте и оглядела комнату. Пусто. Только служанки, замершие у дверей, ждали её пробуждения. Патрир ушёл ещё затемно — она слышала, как он возился с доспехами, как тихо ругался, натягивая сапоги, как затем тяжело зашагал по коридору, сопро-

вождаемый эхом собственных шагов. Слава всем богам — и высшим, и низшим, — он не будил её. Сегодня она отдохнёт от него. Сегодня она будет жить.

— Госпожа, — служанка сделала шаг вперёд, — принести завтрак?

— Да, — Нириэль откинула одеяло и встала. — И пусть приготовят ванну. С маслами. С теми, что из Дезертстейта.

— Слушаюсь, госпожа.

Служанка выскользнула, и Нириэль осталась одна. Она подошла к зеркалу — огромному, в тяжёлой золочёной раме, доставшемся ей от предыдущей хозяйки этих покоев (кто это был, она уже не помнила, да и не хотела помнить). В отражении на неё смотрела красивая, ухоженная женщина с большими алыми глазами и высокими скулами. Чёрные волосы, рассыпанные по плечам, блестели в утреннем свете. Кожа, персиково-серая и гладкая, была покрыта тонкой сеткой едва заметных морщин у глаз — следствие бессонных ночей и постоянного напряжения.

«Ты выглядишь уставшей», — подумала она, проводя пальцами по щеке. — «Но это ничего. Сегодня ты отдохнёшь».

Ванна была горячей, почти обжигающей. Масла, добавленные в воду, пахли розами, сандалом и чем-то ещё — терпким, восточным, обещающим забытьё. Нириэль погрузилась в воду с головой, задержала дыхание на несколько секунд, затем вынырнула, откидывая мокрые волосы назад. Вода стекала по её плечам, груди, животу, и она чувствовала, как напряжение, копившееся днями, постепенно уходит.

«Если бы не этот идиот Патрир, — подумала она, — жизнь была бы прекрасна. Я могла бы делать всё, что захочу. Встречаться с Сандором. Строить планы. Править. А вместо этого я вынуждена играть роль любящей жены, притворяться, что меня заботят его дурацкие войны и дурацкая армия».

Она вылезла из ванны, когда вода начала остывать. Служанки — три молодые тёмные эльфийки в серых платьях — помогли ей вытереться, нанесли на тело ароматные масла, расчесали волосы. Нириэль наслаждалась этим ритуалом, который повторялся каждое утро, но сегодня, в отсутствие мужа, он казался особенно приятным.

— Что желаете надеть, госпожа? — спросила старшая служанка.

— Что-нибудь лёгкое. Сегодня я никуда не пойду. Только отдохнуть.

— Синее платье? С серебряной вышивкой?

— Нет, то, что цвета слоновой кости. С кружевом.

— Слушаюсь.

Она оделась, села за стол, где уже был накрыт завтрак — свежие фрукты, сыр, тонкие ломтики ветчины, горячий хлеб и чашка ароматного травяного чая, заваренного по особому рецепту (кармнильские травы, щепотка корицы, мёд). Нириэль ела медленно, смакуя каждый кусочек, и думала о том, что сегодня она сделает.

«Можно пройтись по саду, — размышляла она, откусывая от персика. — Можно почистить. Можно принять Сандора. Он, наверное, уже скучает».

Улыбка тронула её губы при мысли о шуте. Сандор. Единственный, кто понимал её. Единственный, кто разделял её амбиции. Единственный, кто видел в ней не принцессу, не жену наследника, не красивую куклу — а настоящую, живую, полную ненависти и желания властвовать женщину.

«Сегодня мы можем провести время вместе, — подумала она. — Без спешки. Без оглядки на Патрира. Я так давно этого хотела».

Она уже потянулась за чашкой чая, собираясь отдать распоряжение позвать шута, когда дверь с грохотом распахнулась.

В комнату влетел слуга — молодой эльф с перепуганным лицом и растрёпанными волосами. Он тяжело дышал, словно бежал через весь дворец.

— Госпожа! Госпожа, прошу прощения за вторжение, но... король! Король требует вашего присутствия.

Нириэль замерла с чашкой в руке.

— Король? — переспросила она, и её голос прозвучал холоднее, чем она хотела. — Зачем?

— Не знаю, госпожа. Он только сказал, чтобы вы немедленно прибыли в библиотеку. Лично. Без промедления.

Слуга поклонился и выскочил вон, не дожидаясь ответа.

Нириэль поставила чашку на стол. Её руки дрожали — не от страха, нет, от внезапного, острого предчувствия беды.

«Библиотека, — подумала она. — Почему библиотека? Он мог бы позвать меня в тронный зал, в свой кабинет, наконец, в свои покои. Но библиотека... Что это значит?»

Она встала, поправила платье, провела рукой по волосам. В зеркале отражалась женщина, которая выглядела спокойной и невозмутимой. Но внутри у неё всё кипело.

«Он знает? — пронеслась паническая мысль. — Он что-то узнал? О нас с Сандором? О наших планах? О том, что я...»

Она оборвала мысль. Нет. Этого не может быть. Она была осторожна. Всегда осторожна. Ни один слух, ни одна сплетня, ни один намёк не просочились из её покоев. Слуги молчали — подкупленные, запуганные, преданные. Сандор был нем как рыба. Никто не мог знать.

«Но тогда зачем он меня вызывает?»

Она вышла из комнаты. Коридоры дворца были пусты — только редкие стражники замирали у стен, провожая её взглядами. Солнце, пробиваясь сквозь витражи, окрашивало каменные плиты пола в красный, синий, жёлтый цвета. Где-то вдалеке слышались голоса — слуги переговаривались, не подозревая, что их принцесса идёт на встречу, которая может изменить всё.

«Может, он хочет поговорить о Патрире? — думала Нириэль, поднимаясь по лестнице. — О наследии. О будущем. Может, он решил передать трон? Но тогда он позвал бы и Патрира. А меня — зачем?»

Вопросов было больше, чем ответов. И это пугало.

Библиотека находилась в западном крыле дворца — огромное, величественное помещение с высокими сводчатыми потолками и стенами, уставленными стеллажами, уходящими в темноту. Здесь хранились тысячи книг — древних, редких, бесценных. Сюда редко заходили придворные — большинство из них не умели читать или не считали нужным тратить время на знания. Король Патринар любил это место. Он проводил здесь часы, погружённый в чтение, и никто не смел его беспокоить.

Нириэль вошла в библиотеку и замерла.

Свет, проникавший через высокие стрельчатые окна, ложился на каменный пол золотыми прямоугольниками. Пахло старым пергаментом, воском и тишиной — той особенной, уютной тишиной, которая бывает только в местах, где время течёт иначе. В дальнем конце зала, у самого большого окна, в кресле сидел Патринар.

Он был один. Ни советников, ни стражников, ни слуг. Только он, стопка книг на столике рядом и чашка дымящегося чая.

Король поднял голову, когда Нириэль приблизилась. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, было спокойным, даже добродушным. Он смотрел на неё с той особой, отстранённой мудростью, которая бывает только у тех, кто прожил не одну сотню лет.

— Садись, дитя, — сказал он, указывая на кресло напротив. — Не бойся. Я не кусаюсь.

Нириэль села. Её руки она сложила на коленях, чтобы скрыть дрожь. Лицо было маской спокойствия, но внутри всё трепетало.

— Вы хотели меня видеть, Ваше Величество? — спросила она, и голос её прозвучал ровно, почти безразлично.

— Хотел, — Патринар отпил глоток чая, поставил чашку на блюде. — Я давно соби-
рался поговорить с тобой. Но всё не было времени. А теперь... — он вздохнул, — теперь время
поджигает.

«Время поджигает? — мысленно переспросила Нириэль. — Что это значит? Он болен? Умирает?»

— Я стар, — продолжил король, и в его голосе зазвучали нотки, которых Нириэль раньше не слышала. Усталость. Печаль. Смирение. — Стар и немощен. Каждый день я просыпаюсь с мыслью, что, возможно, это мой последний день. Каждый вечер ложусь спать, не зная, увижу ли утро. Такова участь стариков.

— Вы ещё не стары, Ваше Величество, — солгала Нириэль, и её голос прозвучал мягко, почти ласково. — Эльфы живут веками.

— Живут, — согласился Патринар. — Но не вечно. А я чувствую, что мой срок подходит к концу. И поэтому я должен решить, кому передать трон.

Он закрыл глаза. И впервые за долгие годы сон пришёл не как провал в темноту, а как что-то тёплое, живое. Ему снилась Лира. Ему снился дом. Ему снился ребёнок, которого ещё не было, но который уже жил в его мыслях. Он проснулся с улыбкой — лёгкой, почти незаметной, но настоящей.

— Я долго думал, — продолжал король, глядя куда-то сквозь неё. — Сначала я хотел передать власть младшему сыну. Патри. Он был смышлённым, вовлечённым в дела страны. Он интересовался политикой, экономикой, дипломатией. Он умел говорить, убеждать, договариваться. Я видел в нём будущее.

Нириэль слушала, затаив дыхание. «Патри, — подумала она. — Безумный Патри, кото-
рый чуть не уничтожил всё. Он видел в нём будущее? Смешно».

— Но Патри предал меня, — голос короля дрогнул. — Он предал всех нас. Его убили. И теперь у меня остался только старший сын. Патрир.

— Патрир — хороший воин, — осторожно сказала Нириэль, не понимая, куда клонит свёкор.

— Хороший воин, — согласился Патринар. — Но плохой правитель. Он заигрался в солдатики. Он помешан на войне, на чести, на ненависти к людям. Да, за последние годы эта ненависть немного поубавилась, но... — король покачал головой, — но он не изменился. Он не умеет править. Он умеет только командовать.

«Это правда, — подумала Нириэль. — Наконец-то ты это понял, старый дурак».

— Поэтому, — Патринар сделал паузу, и его глаза, выпцветшие, бледно-голубые, впились в лицо Нириэль, — я не передам трон Патриру. Я назначу регента. А трон перейдёт к моему внуку. К сыну Патрира.

Нириэль замерла.

Мир вокруг неё рухнул.

Она слышала слова, но не верила им. Внутри неё что-то оборвалось — какая-то струна, натянутая до предела. Она сидела неподвижно, и её лицо, обращённое к королю, было спокойным, почти просветлённым. Но в душе бушевал ураган.

«Что? — пронеслось в её голове. — Что он сказал? Регент? Внук? Какой внук? У Патрира нет детей! У нас нет детей! И не будет!»

— Я понимаю, это неожиданно, — продолжал Патринар, не замечая её состояния. — Но я обдумывал это решение долго. Патрир не готов править. А его сын — если его правильно воспитать, обучить, направить — может стать великим королём. Я хочу, чтобы ты помогла мне в этом, Нириэль. Ты — его мать. Ты сможешь повлиять на него.

«Внук, — мысленно заорала Нириэль. — Какой внук, ты, бородатый идиот?! У нас нет детей! Я не рожала! И не собираюсь рожать этому чудовищу!»

— Я... я не знаю, что сказать, Ваше Величество, — выдавила она, и её голос, к её удивлению, прозвучал ровно и спокойно. — Это... неожиданно.

— Я знаю, — кивнул Патринар. — Поэтому и позвал тебя. Чтобы предупредить. Чтобы ты была готова. Регента я найду в ближайшее время. А пока... пока готовься. Скоро всё изменится.

— Да, Ваше Величество, — Нириэль встала, поклонилась. — Я... мне нужно подумать.

— Иди, дитя, — король махнул рукой. — И не волнуйся. Всё будет хорошо.

Она вышла из библиотеки. Её шаги были ровными, спокойными, но стоило двери закрыться за её спиной, как она рванула вперёд. Не побежала — но пошла так быстро, что служанки, попадавшие на пути, шарахались в стороны, не понимая, что происходит.

Коридоры мелькали перед глазами. Лестницы. Повороты. Всё сливалось в одно расплывчатое пятно.

«Сука, — думала она, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Сука, сука, сука!»

«Ты, старость бородатая, совсем охренел?! Какой внук?! Какой регент?!»

«Он разрушил всё. Все мои планы. Всё, к чему я шла. Всё, ради чего я терпела этого идиота Патрира, притворялась, улыбалась, лгала. Всё — коту под хвост».

Она ворвалась в свои покои, захлопнула дверь и задвинула засов.

— Сандор! — крикнула она, не заботясь о том, что её могут услышать. — Сандор, выходи!

Шут появился из тени, как всегда, бесшумно. Его лицо было встревоженным — он никогда не видел её в таком состоянии. Глаза горели, щёки пылали, дыхание было прерывистым.

— Что случилось? — спросил он, подходя ближе.

— Что случилось?! — Нириэль заорала, и её голос сорвался на визг. — Он, этот старый маразматик, этот... этот далбоёб конченный! Он решил, что Патрир не будет королём!

Сандор замер.

— Что? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Он назначит регента! А трон передаст внуку! Внуку, Сандор! Какому внуку?! У Патрира нет детей! У нас нет детей! И не будет!

Она заметалась по комнате, размахивая руками.

— Ты представляешь?! Я терпела этого идиота год! Год! Я спала с ним, притворялась, что люблю, что хочу детей, что счастлива! Я строила планы, как стану королевой, как избавлюсь от него, как мы с тобой будем править! А он — этот старый пердун — взял и разрушил всё! Одним разговором! Всё!

— Успокойся, — Сандор попытался взять её за руки, но она вырвалась.

— Не трогай меня! Я не успокоюсь! Ты знаешь, что он сказал? Он сказал, что Патрир — плохой правитель! Что он заигрался в солдатики! Что его ненависть к людям поубавилась, но он не изменился! И он прав! Он прав, Сандор! Патрир — идиот! Но этот идиот — мой муж! И он должен стать королём! Иначе всё было зря!

Она остановилась, тяжело дыша. Глаза её были мокрыми — не от слёз, от ярости.

— Ты представляешь, что будет, если Патринар найдёт регента? Какого-нибудь мудрого, опытного эльфа, который будет править вместо Патрира? А потом — внук. Ребёнок. Которого я должна родить. Которого я не хочу рожать. Которого я никогда не рожу!

Она схватила со стола подсвечник и швырнула его в стену. Тот ударился о камень с глухим звоном и упал на пол.

— Я не позволю этому случиться, — сказала она, и её голос стал спокойным, ледяным. — Я убью его.

Сандор поднял бровь.

— Убьёшь? Кого?

— Патринара! — Нириэль повернулась к нему. — Старого короля! Я отравлю его! До того, как он найдёт регента! До того, как он успеет объявить о своём решении! Если Патрир станет королём, я стану королевой. А когда я стану королевой — я избавлюсь и от Патрира. И тогда... — она подошла к Сандору, взяла его за руки, — тогда мы будем править вместе. Ты и я.

— Ты уверена? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Никогда не была так уверена, — ответила она. — Этот старый дурак сам подписал себе смертный приговор. Он думает, что я соглашусь с ним. Что я поддержу его. Что я буду растить какого-то ребёнка, который встанет на моём пути. Нет. Я не позволю.

— Что я должен сделать? — спросил Сандор.

— Пока ничего, — Нириэль покачала головой. — Я сама всё сделаю. Яд. У меня есть яд. Достаточно сильный, чтобы убить старого эльфа. И достаточно незаметный, чтобы никто не заподозрил отравление.

— Когда?

— Сегодня же. Или завтра. Чем скорее, тем лучше. Пока он не объявил о своём решении публично. Пока не поздно.

Она замолчала, глядя на свои руки. Потом подняла глаза на Сандора.

— Ты со мной? — спросила она.

— Всегда, — ответил он.

Она наклонилась и поцеловала его — долгим, страстным поцелуем, в котором было всё: и ярость, и отчаяние, и надежда. Сандор ответил, прижимая её к себе.

Когда их губы разомкнулись, Нириэль улыбнулась — той самой, хищной улыбкой, которая появлялась на её лице только в минуты истинного торжества.

— Скоро, — прошептала она. — Скоро всё изменится.

За окном занимался новый день. Где-то в городе звонили колокола, созывая верующих на молитву. Где-то на плацу Патрир командовал новобранцами. Где-то в библиотеке старый король Патринар перелистывал страницы древней книги, не подозревая, что подписал себе смертный приговор.

А здесь, в этой комнате, пахнувшей духами и тайной, двое заговорщиков строили планы на будущее. Будущее, в котором не было места Экри. Будущее, в котором править будут они.

Нириэль подошла к окну, отодвинула занавеску. Внизу, во внутреннем дворе, сустились слуги. Кто-то тащил ящики, кто-то чистил сбрую. Обычная, будничная жизнь. Жизнь, которую она собиралась изменить.

«Скоро, — подумала она. — Скоро я избавлюсь от этого старого дурака. И тогда... тогда начнётся новая эра. Наша эра».

Она повернулась к Сандору.

— Приготовь мне одежду, — сказала она. — Сегодня вечером я нанесу визит королю. С чаем. С очень особенным чаем.

Сандор кивнул, и уголки его губ дрогнули в лёгкой, почти незаметной усмешке.

— Слушаюсь, госпожа, — ответил он.

Глава 7: Чаша для короля

Вечер опускался на Хотхил медленно, как яд, растекающийся по крови. Небо, ещё час назад голубое и безоблачное, теперь наливалось багрянцем, будто предчувствуя смерть. Солнце клонилось к горизонту, и его косые лучи, пробиваясь сквозь витражи дворца, окрашивали каменные полы в цвет запёкшейся крови.

В покоях Нириэль царила суeta. Не та, паническая, что бывает перед катастрофой, а другая — сосредоточенная, почти медитативная. Каждое движение было выверено, каждый предмет лежал на своём месте. Служанки, не подозревая, к чему готовится их госпожа, суети-

лись вокруг, поправляя складки платья, затягивая шнуровку, закрепляя в волосах драгоценные гребни.

Нириэль стояла перед зеркалом — огромным, в тяжёлой золочёной раме, — и рассматривала своё отражение. На ней было платье тёмно-зелёного бархата, расшитое серебряными нитями — такое же, как у самого короля. Не вызов, нет — дань уважения. Жест, который Патринар должен был оценить. Волосы, уложенные в сложную причёску, были убраны с лица, открывая высокий лоб и тонкие черты. В острых ушах покачивались серьги с изумрудами — подарок свёкра на прошлый праздник урожая. Нириэль хотела выглядеть идеально. Идеальная невестка. Идеальная жена. Идеальная убийца.

— Госпожа, — Сандор вошёл в комнату без стука, как всегда. Служанки, привыкшие к его внезапным появлениям, не обратили внимания. — Всё готово.

— Хорошо, — Нириэль повернулась к нему, и её лицо было маской спокойствия. — Ты принёс?

Он кивнул и достал из складок своего дурацкого колпака маленький стеклянный флакон. Жидкость внутри была почти прозрачной, с едва заметным желтоватым оттенком. Похожа на нектар. На вкус — на кисловатое вино. Смерть, растворённая в нескольких каплях.

— «Лунная слеза», — тихо сказал Сандор. — Три капли. Через пять минут после того, как выпьет, сердце остановится. Ни пены, ни судорог, ни запаха. Только тишина.

— Только тишина, — повторила Нириэль, беря флакон. — Идеально.

Она спрятала его в складках платья — в маленький потайной карман, который сама же и пришила несколько дней назад, когда поняла, что другого выхода не будет.

— Чашка?

— Будет ждать в малой столовой. Только его. Только для него.

— Ты уверен, что слуги не заметят?

— Слуги будут заняты, — Сандор усмехнулся. — У них сегодня учения по пожарной безопасности. Весь персонал, кроме самых доверенных, отправится в восточное крыло. А те, кто останется... — он сделал паузу, — не увидят ничего.

— Хорошо, — Нириэль подошла к нему, коснулась его щеки. — После всего... мы будем свободны.

— После всего, — эхом отозвался Сандор.

Она вышла из покоев, и её шаги были лёгкими, почти невесомыми. Коридоры дворца тонули в сумерках — слуги зажигали факелы, и их жёлтое, дрожащее пламя отбрасывало на стены длинные, пляшущие тени. Нириэль шла, и в её голове прокручивался план, отточенный до мельчайших деталей.

«Малая столовая, — думала она. — Я приду первой. Скажу, что хочу выпить с ним чаю наедине, обсудить будущее внука. Он согласится — старый дурак любит, когда с ним советуются. Я налью чай. В его чашку — три капли. Он выпьет. Через пять минут — всё».

Она вошла в малую столовую. Здесь было тихо и прохладно. Длинный стол, накрытый на две персоны, стоял у окна, выходившего на запад. Солнце, уже почти скрывшееся за горизонтом, заливало комнату багровым светом. Хрусталь на столе сверкал, как звёзды. Фарфор — тончайший, из Дезертстейта — ждал своего часа.

Слуга, стоявший у двери, поклонился.

— Ваше Высочество, король сейчас придёт. Прикажете подавать чай?

— Да, — ответила Нириэль, садясь за стол. — И проследи, чтобы нас не беспокоили.

— Слушаюсь.

Слуга вышел, и через несколько минут вернулся с серебряным подносом, на котором стояли заварной чайник, две чашки, молочник и сахарница. Он поставил поднос на стол, разлил чай по чашкам и, поклонившись, удалился.

Нириэль осталась одна. Она смотрела на две чашки — одинаковые, из тончайшего фарфора, с золотым ободком. Одну — для себя. Другую — для короля. Она достала флакон, отвинтила крышечку. Жидкость внутри пахла кисловатым вином — едва уловимо, почти незаметно. Она наклонила флакон над чашкой, стоявшей справа — той, что ближе к королевскому месту. Три капли упали в тёмный чай и растворились, не оставив следа.

«Идеально», — подумала она, пряча флакон обратно.

Дверь открылась, и в столовую вошёл Патринар.

Он выглядел уставшим — более уставшим, чем обычно. Глаза его были красными — то ли от бессонницы, то ли от слёз. Он шёл медленно, опираясь на трость, и Нириэль впервые заметила, как сильно он сдал. Всего несколько дней назад он казался бодрым, почти здоровым. А теперь... теперь он выглядел так, будто уже одной ногой стоял в могиле.

«Может, он и сам чувствует, — подумала Нириэль. — Может, ему не нужен мой яд».

— Добрый вечер, дитя, — сказал Патринар, садясь напротив. — Ты хотела поговорить?

— Добрый вечер, Ваше Величество, — Нириэль улыбнулась — той самой, тёплой, почти материнской улыбкой, которую он так любил. — Да. Я много думала о нашем разговоре. О внуке. О регенте. Я поняла... что вы правы.

— Прав? — Патринар удивился. Он взял свою чашку, поднёс к губам, но не отпил. — В чём?

— В том, что Патрир не готов править. В том, что нужен кто-то мудрый, опытный, кто сможет направить его... и его сына. Я хочу помочь вам. Чем смогу.

— Это... это прекрасные слова, дитя, — Патринар отпил глоток. — Я не ожидал...

Он отпил ещё. И ещё. Чашка опустела наполовину. Нириэль смотрела на него, и её сердце билось ровно, спокойно — как у хищника, который затаился перед прыжком.

— Я рада, что вы довольны, — сказала она, поднимая свою чашку и делая крошечный глоток. — Я сделаю всё, чтобы наша семья была единой. Чтобы Элфтенхолд процветал.

— Ты... ты замечательная женщина, — Патринар допил чай, поставил чашку на блюдце. Его глаза вдруг стали какими-то... пустыми. Он моргнул, помотал головой. — Что-то... что-то мне нехорошо...

— Вам отдохнуть, Ваше Величество, — мягко сказала Нириэль, вставая. — Позвать лекаря?

— Нет, нет... просто... головокружение... — Патринар попытался встать, но ноги не слушались. Он упал обратно в кресло, схватившись за край стола. Его лицо побледнело, губы посинели. — Что... что со мной?..

— Всё хорошо, Ваше Величество, — Нириэль подошла к нему, встала за спиной. — Всё уже хорошо.

Патринар открыл рот, чтобы что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Его глаза, широко раскрытые, смотрели куда-то в пустоту. Тело выгнулось дугой, пальцы вцепились в подлокотники кресла с такой силой, что ногти сломались. Потом — тишина.

Он обмяк, голова упала на грудь. Глаза остались открытыми — мёртвыми, стеклянными, но всё ещё смотрели.

Нириэль наклонилась, проверила пульс. Ничего. Дыхания — тоже. Только тишина.

Она выпрямилась, поправила платье и громко, так, чтобы слышали слуги за дверью, сказала:

— Ваше Величество! Ваше Величество, что с вами?! Помогите! Кто-нибудь! Королю плохо!

Дверь распахнулась. В комнату вбежали слуги, стражники. За ними — придворные, услышавшие крики. Все замерли, увидев тело короля, скрючившееся в кресле.

— Лекаря! — закричала Нириэль, изображая отчаяние. — Быстро! Король... король не дышит!

Началась суэта. Кто-то побежал за лекарем, кто-то пытался привести короля в чувство, кто-то просто стоял и смотрел в ужасе. Нириэль, заливаясь слезами — настоящими, искусственными, неважно, — осталась у тела. Она держала руку Патринара в своих и тихо всхлипывала.

Через несколько минут прибыл лекарь — старый эльф с седой бородой и дрожащими руками. Он осмотрел короля, проверил пульс, дыхание, зрачки. Потом поднял голову и тихо сказал:

— Его Величество... мёртв.

Зал взорвался криками. Кто-то рыдал, кто-то требовал объяснений, кто-то просто стоял, не веря своим ушам. Нириэль, продолжая притворяться убитой горем, подняла голову и спросила:

— Как?... Как это случилось? Он был здоров...

— Похоже... сердечный приступ, — неуверенно сказал лекарь, рассматривая тело. — Никаких следов насилия, никакого запаха... Возможно, старость. Его Величество был в возрасте...

— В возрасте? — Нириэль вскочила, и её голос дрогнул. — Он был в возрасте, но он был здоров! Что вы ему дали? Что он ел? Что пил?

— Только... только чай, — лекарь посмотрел на чашку, стоявшую на столе. — И, кажется, больше ничего.

— Чай? — Нириэль схватила чашку, понюхала. — Откуда этот чай?

Слуга, приносивший поднос, побледнел.

— Это... это я принёс, госпожа...

— Ты?! — закричала Нириэль, указывая на него пальцем. — Это ты отравил короля?!

— Я?... Нет! Госпожа, я... я только принёс! Я ничего не добавлял!

— Врёшь! — Нириэль повернулась к стражникам. — Арестовать его! Немедленно!

Стражники схватили перепуганного слугу, но тот вырывался и кричал о своей невинности.

В этот момент в столовую вошёл Патрир.

Он был в доспехах, с мечом на поясе — только что вернулся с учений. Увидев отца, сидящего в кресле с остекленевшими глазами, он замер на пороге. Его лицо, и без того суровое, стало каменным.

— Что... что здесь произошло? — спросил он, и голос его прозвучал глухо, почти безжизненно.

— Он убил его! — Нириэль указала на слугу. — Этот мерзавец отравил короля! Ядом! В чае!

— Отравил? — Патрир медленно подошёл к отцу, посмотрел на его лицо, на побелевшие губы, на сломанные ногти, впившиеся в подлокотники. — Ты... ты уверена?

— Лекарь подтвердит, — Нириэль повернулась к старику. — Вы же подтвердите?

Лекарь, бледный как полотно, кивнул.

— Я... я не могу сказать наверняка, но... признаки отравления есть. Хотя запаха нет...

— Это был чай! — перебила Нириэль. — Только чай! Больше он ничего не пил и не ел! Патрир повернулся к слуге. Тот, стоявший между двух стражников, дрожал как осиновый лист.

— Ты? — спросил Патрир, и в его голосе зазвучала сталь.

— Я... я не виноват, господин! Я только принёс! Я ничего не добавлял! Клянусь!

— Клянёшься? — Патрир вытащил меч из ножен. — Хорошо. Поклянись перед богами.

Слуга рухнул на колени, заливаясь слезами.

— Господин... я... я не...

Меч описал короткую, смертоносную дугу. Голова слуги отделилась от тела и покатилась по каменному полу, оставляя за собой кровавый след. Тело рухнуло, заливая кровью плиты. Брызги попали на платье Нириэль, на доспехи Патрира, на лицо лекаря.

В комнате повисла тишина — оглушительная, звенящая.

Патрир вытер меч о плащ убитого и убрал его в ножны.

— Он убил моего отца, — сказал он, и в его голосе не было сомнений. — Он заплатил за это. Вопрос закрыт.

Никто не посмел возразить.

Ночь опустила на Хотхил, но никто не спал.

В тронном зале собрались высшие сановники королевства — советники, генералы, главы гильдий. Их лица были бледны, руки дрожали. Смерть короля потрясла всех, но никто не осмеливался говорить открыто. Слух об отравлении уже разнёсся по дворцу, и каждый боялся, что следующей жертвой может стать он.

Патрир сидел на троне — не на том, что принадлежал отцу, а на соседнем, предназначенном для наследника. Он был мрачен, его единственный глаз горел холодным огнём. Рядом стояла Нириэль — в том же платье, с пятнами крови, которые она не стала смывать. Символ. Жертва. Праведный гнев.

— Решение таково, — сказал Патрир, и его голос разнёсся под сводами зала. — Моему народу не нужно знать, что король был убит. Это вызовет панику. Мятежи. Войну. Мы скажем, что он умер от старости — и, умирая, передал трон мне.

— Но... коронация? — спросил один из советников. — Когда?

— Через три дня. У нас нет времени на долгие приготовления. Чем скорее я стану королём, тем скорее страна успокоится.

— А... похороны?

— Похороны будут скромными. Без пафоса. Без лишних глаз. Отец не любил шума. Он хотел, чтобы его проводили тихо, по-семейному.

— Но, Ваше Величество... — начал было другой советник.

— Я сказал, — перебил Патрир, и в его голосе зазвенела сталь. — Моё слово — закон.

Советники склонили головы, не смея спорить.

Никто не заметил, как уголки губ Нириэль дрогнули в лёгкой, почти незаметной усмешке.

Три дня Хотхил жил в лихорадочном ожидании.

Замок готовился сразу к двум событиям — грандиозной коронации нового короля и его жены и тихим, почти тайным похоронам старого.

В тронном зале слуги мыли полы, полировали колонны, развешивали новые знамёна — с гербом Патрира, который он выбрал сам: скрещённые мечи на фоне восходящего солнца. Символ воина. Символ победителя. Символ того, кто не спрашивает разрешения, а берёт своё.

В подвалах, в часовне, готовили тело Патринара к погребению. Его облачили в простые белые одежды, уложили в дубовый гроб, обитый серебром. Без венков. Без цветов. Без речей. Только священники, читавшие заупокойные молитвы, да несколько слуг, которые плакали в углу.

Нириэль не пришла на похороны. Она сказала, что не в силах видеть свёкра мёртвым. На самом деле она просто не хотела тратить время на притворство. Ей нужно было готовиться к коронации — выбирать платье, репетировать походку, улыбаться зеркалу.

Сандор был рядом — в тени, как всегда. Он помогал ей, советовал, успокаивал. И ждал. Ждал, когда она станет королевой. Когда они начнут править. Когда наконец избавятся от Патрира.

— Скоро, — шепнула она ему, когда они остались вдвоём в её покоях. — Осталось совсем немного.

— Скоро, — эхом отозвался он.

За окном занимался новый день. День коронации. День, когда Нириэль станет королевой.

А где-то в подвалах, в тишине и полумраке, стоял дубовый гроб, обитый серебром, и старый король Патринар лежал в нём, закрыв глаза навсегда.

Никто не плакал. Никто не скорбел. Только ветер гулял по пустым коридорам, и где-то вдалеке звенели колокола, созывая народ на площадь.

Элфтенхолд ждал нового короля. И новая эра начиналась.

Глава 8: Две церемонии

Утро коронации выдалось ясным и холодным — тем особенным, предзимним утром, когда небо кажется вымытым до блеска, а воздух звенит, как натянутая струна. Над Хотхилом, столицей Элфтенхолда, ещё висели остатки ночного тумана, но солнце, поднявшееся из-за восточных холмов, уже золотило шпили собора, купола дворца и черепичные крыши домов. Город просыпался. Из труб вился дым, где-то лаяли собаки, где-то кричали дети, но все эти звуки — обычные, будничные — сегодня казались приглушёнными, почтительными, словно сама природа затаила дыхание перед великим событием.

В королевском дворце царило оживление. Не то суетливое, паническое, что бывает перед катастрофой, а другое — торжественное, размеренное, достойное момента. Слуги в парадных livreeх цвета лесной зелени с серебряной вышивкой сновали по коридорам с подносами, на которых поблёскивали золотые кубки и серебряные блюда. Стражники в церемониальных доспехах, начищенных до зеркального блеска, замирали у каждой двери, у каждого поворота, и их лица, скрытые глухими шлемами с плюмажами из белых перьев, были непроницаемы. Придворные, облачённые в самые дорогие одежды, какие только смогли найти или сшить за последние три дня, перешёптывались в уголках, обсуждая грядущее событие. Кто-то восхвалял мудрость нового короля, кто-то с тоской вспоминал старого, кто-то просто ждал, когда всё это кончится, и можно будет вернуться к привычным интригам.

Сам виновник торжества — Патрир Экри, отныне король Элфтенхолда — находился в своих покоях, где его облачали в церемониальные одежды. Этот процесс занял почти час. Сначала — нижняя рубаха из тончайшего льна, белая, как первый снег, с кружевными манжетами и воротом. Затем — поддоспешник из чёрной кожи, туго зашнурованный на груди и спине. Поверх него — церемониальные доспехи, выкованные лучшими мастерами Западной колонии специально для этого дня. Они были не боевыми, но от этого не менее величественными: золото, инкрустированное рубинами, изящная гравировка, изображавшая сцены из истории дома Экри, и тяжёлый бархатный плащ алого цвета, расшитый золотыми драконами. На поясе висел меч — не тот, боевой, с потёртой рукоятью, а другой, церемониальный, с эфесом, усыпанным драгоценными камнями, и лезвием, которое никогда не знало крови.

Патрир смотрел на своё отражение в огромном зеркале, стоявшем у стены, и не узнавал себя. В этом наряде он казался чужим — не воином, привыкшим к грязи и крови, а кем-то другим. Королём? Но он не чувствовал себя королём. Он чувствовал себя солдатом, которого нарядили в чужую одежду и заставили играть роль, к которой он не был готов.

«Отец, — подумал он, и его единственный глаз, обычно такой холодный и пронизывающий, на мгновение затуманился. — Ты должен быть здесь. Ты должен был передать мне корону живым, а не... не так.»

Он оборвал мысль. Не время для сожалений. Не время для скорби. Сегодня он должен быть сильным. Сегодня он должен показать всем, что достоин трона.

В соседней комнате готовилась Нириэль. Её облачение было ещё более сложным, чем у мужа. Шесть служанок, две горничных и сама старшая портниха — полная эльфийка с вечно недовольным лицом и золотыми иглами в седых волосах — суетились вокруг неё, как пчёлы вокруг улья. Платье, которое шили лучшие портнихи Хотхила целую неделю, было белым, как первый снег, расшитым серебряными нитями и жемчугом. Ткань, тончайший шёлк, привезённый из далёкого Дезертстейта, струилась при каждом движении, как вода, и отливала перламут-

ром в свете свечей. Корсаж, облегающий грудь и талию, был украшен крошечными бриллиантами, которые сверкали, как звёзды, и, казалось, горели собственным огнём. Рукава, длинные и узкие, заканчивались кружевными манжетами, которые падали на кисти, как застывшая пена. Юбка, широкая и тяжёлая, шлейфом стелилась по полу, и этот шлейф несли три пажа — юные эльфы в одинаковых зелёных камзолах, с бледными от волнения лицами.

Волосы Нириэль, длинные, чёрные, блестящие, были уложены в сложную причёску — косы, переплетённые с лентами и жемчугом, уложены вокруг головы, как корона. На макушке покоилась диадема — подарок Патрира, сделанный вчера вечером, когда он вручил ей этот символ будущей королевской власти. Диадема была из платины, украшенная сапфирами, каждый из которых был размером с ноготь взрослого эльфа. Она сияла в свете свечей, отбрасывая на бледное лицо Нириэль голубоватые блики.

«Ты прекрасна», — сказала портниха, отступая на шаг и окидывая свою работу взглядом мастера, довольного результатом.

«Ты сделала всё, что могла», — мысленно ответила Нириэль, но вслух произнесла мягкое, благодарное:

— Спасибо, госпожа. Вы — настоящая волшебница.

Портниха расплылась в улыбке, поклонилась и вышла. Служанки последовали за ней, и Нириэль осталась одна. Она подошла к зеркалу — огромному, в тяжёлой золочёной раме, — и долго смотрела на своё отражение. На неё смотрела женщина, которая была прекрасна. Которую можно было любить. Которой можно было восхищаться. Которой можно было доверять.

«Никто не знает, — подумала она, и уголки её губ дрогнули в едва заметной усмешке. — Никто не знает, что под этим платьем бьётся сердце убийцы. Никто не знает, что эта диадема — плата за смерть. Никто не знает, что сегодня я стану королевой, а завтра — возможно, вдовой».

Она поправила складки платья, проверила, на месте ли маленький потайной карман — тот самый, где ещё недавно лежал флакон с «Лунной слезой». Карман был пуст. Яд ушёл в чай старого короля. Но память о нём осталась.

«Скоро, — подумала она, глядя в свои глаза, которые в свете свечей казались алыми, как кровь. — Скоро всё кончится».

Главный собор Хотхила находился в самом сердце города, на площади, вымощенной белым камнем, который за столетия отполировался тысячами ног до зеркального блеска. Площадь была огромной — на ней могли разместиться несколько тысяч человек, и сегодня она была заполнена до краёв. Горожане — простые эльфы, ремесленники, торговцы, рыбаки, прачки — стояли плечом к плечу, прижавшись друг к другу, и смотрели на собор. Они пришли не потому, что их пригласили — приглашали только избранных, — а потому, что хотели видеть. Видеть нового короля. Видеть его жену. Видеть момент, который изменит их жизнь.

Сам собор был древним — его стены помнили ещё короля Эл'тарина, правившего семьсот пятьдесят лет назад. Выстроенный из белого камня, привезённого из каменоломен далёкого Нордленда, он возвышался над городом, как белый великан. Витражные окна, изображавшие сцены из эльфийской истории — прибытие первых поселенцев на остров Родера, битву с драконами, основание Хотхила, — сияли всеми цветами радуги. Шпили, украшенные золотыми звёздами, устремлялись к небу, и на каждом из них развевались флаги с гербом дома Экри — олений рог, обвитый плющом. Над главным входом, на массивном фронтоне, была высечена та же эмблема, и она, казалось, смотрела на толпу сверху вниз, как немой свидетель веков.

Внутри собора царил полумрак, разгоняемый тысячами свечей. Они горели повсюду — на алтаре, на подоконниках, в специальных канделябрах, расставленных вдоль стен. Их жёлтое, дрожащее пламя отражалось в золотых окладах икон, в полированных каменных плитах пола, в глазах сотен зрителей, заполнивших скамьи. Пахло ладаном — густым, сладковатым, почти осязаемым, — воском и древностью. Где-то на хорах пел хор — негромко, почти неслышно, и их голоса, чистые и высокие, сплетались с тишиной, создавая ощущение нереальности.

В первых рядах, на скамьях, обитых красным бархатом, сидели высшие сановники королевства. Советники в строгих чёрных мантиях с золотыми цепями на шеях. Генералы в парадных мундирах, увешанных орденами и медалями. Главы гильдий — купеческой, ткацкой, оружейной, строительной — в дорогих, но безвкусовых камзолах, расшитых золотом и серебром. Жёны аристократов в платьях, которые они шили специально для этого дня, — шёлк, бархат, парча, кружева. Все они смотрели вперёд, на алтарь, где уже ждал Патрир.

Нириэль стояла у входа, ожидая своего выхода. Она дышала ровно. Ни глубже, ни чаще, чем обычно. Она не волновалась. Она не боялась. Она была готова.

Орган заиграл — торжественно, величаво, и этот звук, низкий и мощный, разнёсся под сводами, заставляя стены дрожать. Толпа замерла. Тысячи глаз устремились к входу.

Нириэль сделала первый шаг.

Она шла по центральному нефу, и её шлейф — длинный, тяжёлый — несли за ней три пажа. Она шла медленно, с достоинством, как и подобает будущей королеве. Её взгляд был устремлён вперёд, на алтарь, где стоял Патрир, но периферийным зрением она видела лица. Лица тех, кто смотрел на неё. Восхищение, зависть, уважение, страх — всё это было в их глазах.

«Смотрите, — думала она, делая шаг за шагом. — Смотрите на ту, кого вы никогда не поймёте. Смотрите на ту, кто скоро будет править вами. Смотрите на ту, кто уже правит».

В первом ряду, среди высших сановников, она увидела Сандора. Он стоял, прислонившись к колонне, и его лицо — обычно такое дурашливое, насмешливое, с вечной улыбкой на губах — сегодня было серьёзным. Даже торжественным. Он был одет в шутовской наряд — камзол из золотистой парчи, расшитый бубенцами, колпак с ослиными ушами, туфли с загнутыми носами, — но в его глазах не было веселья.

Их взгляды встретились.

Это было короткое мгновение — не дольше удара сердца, — но в нём было всё. И общая тайна, и общая победа, и общее ожидание. Нириэль почувствовала, как внутри неё разливается тепло — не любовь, нет, что-то другое. Понимание. Связь. Знание того, что они сделали это вместе.

«Мы сделали это, — подумала она, продолжая свой путь к алтарю. — Старый король мёртв. Я стала королевой. Осталось совсем немного».

Сандор чуть заметно кивнул — движение, которое никто, кроме неё, не заметил. И Нириэль, улыбнувшись — той самой, тёплой, почти материнской улыбкой, которую она отрепетировала перед зеркалом, — продолжила путь.

Церемония была долгой.

Верховный жрец — старый эльф с длинной седой бородой и глазами, которые видели семь королей, — читал молитвы на древнем языке, которого никто из присутствующих не понимал, но который все чувствовали сердцем. Его голос, низкий и певучий, разносился под сводами, и казалось, что сами камни внимают ему.

Патрир преклонил колено перед алтарём. Его доспехи, белое золото и рубины, сверкали в свете свечей, и он был похож на древнего героя, сошедшего с витража. Корона — массивная, золотая, украшенная рубинами и алмазами — лежала на бархатной подушке, которую держал один из советников. Верховный жрец взял её, поднял над головой Патрира, и все замерли.

— Во имя богов — и высших, и низших, — во имя предков, во имя народа Элфтенхолда, — провозгласил жрец, и его голос загремел под сводами, как гром, — я возлагаю на твою голову венец власти. Да будет правление твоё мудрым, да будут решения твои справедливыми, да будет сердце твоё твёрдым, как этот металл, и чистым, как эти камни.

Корона опустилась на голову Патрира.

— Да здравствует король! — воскликнул жрец, и тысячи голосов подхватили:

— Да здравствует король!

Патрир поднялся. Его лицо было спокойным — слишком спокойным, — но в единственном глазу горел огонь. Он повернулся к Нириэль, взял её за руку.

— Теперь ты, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она.

Нириэль преклонила колено. Вторая корона — серебряная, с сапфирами — была легче, изящнее. Она опустила её на её голову, и верховный жрец произнёс те же слова, но с поправкой:

— Да будет правление твоё мудрым, да будут советы твои благоразумными, да будет сердце твоё добрым, как этот металл, и чистым, как эти камни. — Сказал жрец — Да здравствует королева! — воскликнул жрец, и толпа снова закричала:

— Да здравствует королева!

Нириэль поднялась. Она чувствовала тяжесть короны на своей голове — не физическую, нет, другую. Тяжесть власти. Тяжесть ответственности. Тяжесть лжи.

«Я сделала это, — подумала она, глядя в зал, где сотни глаз смотрели на неё с восхищением и надеждой. — Я стала королевой. Теперь осталось только стать правительницей».

Она повернулась к Патриру, и они обменялись клятвами — о верности, о защите, о процветании королевства. Нириэль произносила слова, и они звучали искренне, почти свято. Но в душе она смеялась.

«Верность? — думала она, глядя в единственный глаз Патрира, который сегодня, наконец, казался почти тёплым. — Ты не представляешь, насколько я тебе верна. Верна своей мечте. Верна своей ненависти. Верна Сандору».

Когда церемония закончилась, и они вышли из собора под крики толпы — «Да здравствует король и королева!», «Да хранят их боги!», «Да будет мир в Элфтенхолде!», — Нириэль почувствовала, как что-то внутри неё расслабилось. Первый этап был пройден. Она стала королевой. Теперь оставалось только ждать.

Похороны Патринара прошли на следующий день.

Они были тихими, почти незаметными на фоне вчерашнего торжества. Патрир, несмотря на свою нелюбовь к показной скорби, решил похоронить отца со всеми почестями — в кругу жителей замка и тех, кто служил королю верой и правдой. Никаких приглашённых со стороны. Никаких делегаций из других провинций. Только свои.

Тело Патринара, забальзамированное и облачённое в простые белые одежды, лежало в открытом гробу, стоявшем в часовне дворца. Гроб был дубовым, обитым серебром, и на крышке была высечена надпись на древнем языке: «Здесь покоится Патринар Экри, король Элфтенхолда, сын Эл'тартина, внук Мал'тариона. Да упокоят его боги в чертогах вечной охоты».

Всю ночь в часовне горели свечи — сотни, тысячи. Их свет, желтоватый и дрожащий, отражался в серебряных окладах икон, в полированном камне пола, в стеклянных глазах мёртвого короля, которые кто-то забыл закрыть. Священники читали заупокойные молитвы — монотонно, бесстрастно, и их голоса, низкие и печальные, разносились под сводами, как шёпот ветра в листве.

Нириэль не пришла на ночное бдение. Она сказала, что не в силах видеть свёкра мёртвым — слишком свежа рана, слишком тяжела потеря. На самом деле она просто не хотела тратить время на притворство. Ей нужно было готовиться к коронации — выбирать платье, репетировать походку, улыбаться зеркалу. Но она знала: если она не появится на похоронах, это вызовет вопросы. Поэтому утром, когда гроб вынесли во двор, она была там.

Она была в траурном платье — чёрном, без единого украшения, с длинным шлейфом и вуалью, закрывавшей лицо. Волосы были распущены — знак скорби. В руках она держала белую лилию — символ чистоты и печали. Её лицо, скрытое вуалью, было скорбным — по крайней мере, так казалось тем, кто смотрел на неё.

Патрир шёл впереди процессии. На нём был не парадный доспех, а простой тёмный камзол — знак траура. Его лицо, и без того суровое, было каменным. Он не плакал — он вообще

редко плакал, — но в его единственном глазу читалась такая глубокая, такая древняя печаль, что даже самые чёрствые сердца сжимались.

За ним шли советники, генералы, главы гильдий — все те, кто ещё вчера кричал «Да здравствует король!», а сегодня скорбно опускал головы. За ними — слуги, стражники, работники замка. Замыкала процессию Нириэль — одна, как и подобает вдове, хотя она была не вдовой, а женой нового короля. Но сегодня она была скорбящей невесткой, и её одиночество в конце процессии было символом.

Гроб опустили в могилу под звуки заубойного марша. Священник произнёс последние слова, и земля посыпалась на серебряную крышку — сначала горстями, потом лопатами. Патрир стоял неподвижно, глядя, как исчезает под землёй тело его отца.

— Прощай, отец, — тихо сказал он, и в его голосе, обычно таком твёрдом, дрогнула нота.

Никто не ответил. Только ветер гулял по двору, и где-то вдалеке звонили колокола — на этот раз не празднично, а погребально. Их звон, низкий и протяжный, разносился над Хотхилом, и люди, слышавшие его, крестились и шептали молитвы.

Нириэль стояла в стороне, глядя, как могилу засыпают землёй. Вуаль скрывала её лицо, но под ней была улыбка. Не широкая, нет — едва заметная, только уголками губ. Победы. Облегчения. Торжества.

«Прощай, старый дурак, — подумала она. — Ты был хорошим королём. Но ты встал на моём пути. И теперь ты там, где тебе место — в земле».

Она подошла к Патриру, взяла его за руку. Его пальцы были холодными, несмотря на то, что день был тёплым.

— Ты как? — спросила она, и её голос был мягким, почти нежным — голосом любящей жены, которая переживает за мужа.

— Нормально, — ответил Патрир, и в его голосе не было эмоций. — Просто... устал.

Они стояли так несколько минут, глядя на свежую могилу. Потом Патрир повернулся и пошёл прочь. Нириэль последовала за ним.

Вечером того же дня Патрир и Нириэль остались вдвоём в его новых покоях — тех самых, что раньше принадлежали Патринару.

Комната была огромной, с высокими сводчатыми потолками и стенами, обитыми тёмно-зелёным бархатом. Пол устилал толстый ковёр из шерсти горных баранов — мягкий, тёплый, почти невесомый под ногами. В камине потрескивали дрова, и их жёлтое, живое пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. Окна, выходившие на запад, были распахнуты, и в комнату вливался прохладный вечерний воздух, пахнувший листвой и дождём.

Патрир сидел в кресле — том самом, где ещё недавно сидел его отец, — положив руки на колени, и смотрел в одну точку. Его лицо было усталым — более усталым, чем когда-либо. Под единственным глазом залегли тени, губы сжались в тонкую линию. Он не разделся после похорон — всё ещё был в тёмном камзоле, и на рукаве виднелась земля, которой посыпали гроб.

Нириэль стояла у окна, глядя на закат. Небо, багровое и золотое, плавилось на горизонте, и казалось, что сам мир прощается с уходящим днём. Она чувствовала, как напряжение дня постепенно отпускает её, но не показывала этого. Её лицо было скорбным — идеальная маска скорбящей невестки.

— Ты как? — спросила она, поворачиваясь к нему.

— Нормально, — ответил Патрир, не поднимая головы. — Просто... устал.

— Может, тебе отдохнуть? Я могу позвать слуг...

— Не надо, — он поднял голову, посмотрел на неё. Его единственный глаз, обычно такой холодный и пронизывающий, сейчас был пустым — безжизненным, как у статуи. — Я хочу побыть один. Сегодня... сегодня я хочу остаться в покоях отца.

— Один? — Нириэль изобразила удивление, хотя внутри ликовала.

— Один, — подтвердил он. — Мне нужно... подумать. Привыкнуть к мысли, что его больше нет.

Она кивнула, и на её лицо отразилось понимание — такое искреннее, такое тёплое, что Патрир, глядя на неё, почувствовал благодарность.

— Я буду в своих покоях, — сказала Нириэль. — Если я понадобится...

— Ты не понадобишься, — перебил он, и в его голосе не было грубости — только усталость. — Иди. Отдыхай. Ты сегодня была... ты была рядом. Спасибо.

— Спасибо тебе, — она наклонилась, поцеловала его в лоб — легко, почти невесомо, — и вышла.

Дверь закрылась, и Нириэль осталась одна в коридоре.

Она подождала несколько секунд — достаточно, чтобы убедиться, что Патрир не выйдет следом, — и её лицо изменилось. Медленно, как тает снег под весенним солнцем, с него сошла маска скорби. Уголки губ поползли вверх, глаза зажглись торжеством. Она улыбнулась — той самой, хищной улыбкой, которая появлялась на её лице только в минуты истинного торжества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.